

Элайн Нексли

Кровь на лепестке

Часть I

«Сломленная лилия»

«Она являлась нежным ангелом, хрупким цветком, но собственная кровь запятнала ее крылья...»

Глава 1

Англия, Уинчестер, 19 марта 1330 года.

Изабелла ¹ издала торжествующий возглас, припала горячими, напряженными губами к шершавой щеке Роджера ², который, обхватив сильными руками талию вдовствующей королевы, с

¹ *Изабелла Французская* (1295 — 23 августа 1358) — дочь французского короля *Филиппа IV Красивого* и *Иоанны I Наваррской*, супруга английского монарха *Эдуарда II*, мать короля *Эдуарда III*. Состояла в любовной связи с *Роджером Мортимером*.

² *Роджер Мортимер* (25 апреля 1287 — 29 ноября 1330) — 3-й барон *Вигмор*, лорд *Мортимер* с 1304 года, 1-й граф *Марч*, любовник королевы *Изабеллы*.

наслаждением всматривался в маленькое окошко. Там, на главной площади перед замком, готовилось торжествующее для женщины и ее любовника события, что кровавыми пятнами покроет династию Плантагенетов ³. Эдмунд Вудсток, 1-й граф Кент ⁴, сын покойного короля Англии Эдуарда I ⁵, приговоренный к смертной казни через отсечение головы, вскоре появиться перед массивными башнями серого, пасмурного здания.

Безусловно, Мортимер отлично понимал, что этот милорд не виноват, но его посягательства на английский престол и неуважение к августейшим особам сделало свое дело. Изабелла, наконец, получивши полноценную власть, не пожелает оставить в живых брата казненного короля. Она,

³ *Плантагенеты* — королевская династия французского происхождения, расширившаяся на английские земли, одна из ветвей дома *Гатине-Анжу*.

⁴ *Эдмунд Вудсток* (5 августа 1301 — 19 марта 1330) — 1-й граф Кент с 1321, сын Эдуарда I, короля Англии, и *Маргариты Французской*, дочери *Филиппа III*, короля Франции.

⁵ *I Длинноногий* (17 июня 1239 — 7 июля 1307) — король Англии в 1272–1307 годах из династии *Плантагенетов*.

мать нового юного монарха, и никто не смеет бросать даже тень на ее покровительство в Англии.

Женщина, поднявшись с низкой кушетки, обвитой декоративными, золотыми ветвями, направилась в центр покоев, где на столе громоздился сундук с пожелтевшими листками бумаги: — Что это? — взяв одно письмо, королева поднесла его к лицу, и, жмурясь, прочитала содержимое.

— Приказ об аресте семьи Вудстока. Его беременная супруга и малолетние дети вскоре будут заточены в замке Солсбери, а все имущество я конфискую, — с нескрываемой радостью произнес мужчина.

Изабелла, всегда славившаяся жестоким сердцем, внезапно горячо воскликнула, чем удивила любовника: — Но это несправедливо! Как ты можешь женщину, которой вот-вот рожать, запереть в темнице? Да, Вудсток нам мешает, но в чем вина несовершеннолетних детей? Подумай, Роджер, об этом, не смей их делать пленниками своих амбиций, своей жестокости! Я, как мать короля, запрещаю тебе выводить в свет этот несправедливый приказ! — разгневавшись, Мортимер внезапно вскочил с кушетки, и, подойдя к женщине, вырвал бумагу из ее рук:

— Не смей мне указывать! Ты добилась власти только благодаря мне! Если бы не я, и ты, и

твои дети, сгнили во французской ссылке! Изабелла, хватит глупостей. Нам пора собираться, казнь через несколько часов. Иди в свои покои, соответствующе оденься. Я буду ждать тебя в главном зале. Ради победы мы обязаны быть несправедливыми.

* * *

Блеклые лучи полуденного, но холодного солнца скользили по запотевшему окну, потом плавно опускались на кровать, заваленную разбросанными вещами. Маргарет, опустив ледяные, влажные ладони на огромный живот, неподвижно сидела на стуле, всматриваясь в узкие дорожки перед захолустным домом. Ее, жену великого Эдмунда Вудстока, вырвали из родного поместья и привезли сюда, словно преступницу. Несчастливая женщина неоднократно слышала разговоры о казни супруга, но отказывалась в это верить. Мать троих детей, и еще одного не рожденного, чья жизнь покоилась в чреве, мадам Уэйк боялась оказаться в лапах врагов, боялась пасть от их мечей. Англичанка, расслышав неуверенные шаги трехлетней девочки, быстро смахнула слезы и протянула руки к Маргарет — младшей, своей старшей дочери. Пухленькая, с зелеными, ясными глазами, малышка уюстилась на

коленях матери:

— Мама, ты плачешь? Почему мы здесь? Где папа?

— Все хорошо, мое сокровище. Не волнуйся, папа спасет нас, обязательно спасет.

— Говорят, его скоро убьют. Это правда? — Маргарет едва сдержала в себе жгучие слезы. Нет, она должна быть сильной, ради своего рода, ради детей, ради Эдмунда...

— Беатрис! — в комнату, похрамывая, вошла тучная немолодая женщина со светлыми, длинными волосами, в беспорядке разметавшимися по плечам. Сделав глубокий реверанс, служанка спросила: — Миледи, вам что-то нужно?

— Что мне может быть нужно в этом домишке? — грустно пролепетала Маргарет, словно разговаривая сама с собой. Тяжело вздохнув и зачесав назад волосы, сколотые на затылке, мадам Вудсток подняла свои затуманенные глаза: — Как дети? У Джоанны прошел жар?

— Слава Богу, моя госпожа, все хорошо. Эту ночь девочка спала спокойно. Конечно, ее все еще мучает надрывный кашель, но температура тела больше не повышается. Отвары той лекарки помогли. Я попросила у охранников привести ее еще раз, но они отказали. Также закончилось молоко, детей нечем поить, фрукты тоже на исходе. Маленький Эдмунд постоянно плачет, говорит,

хочет увидеть папу. Как я скажу ребенку, что граф?... — Беатрис внезапно замолчала, увидев, как от этих слов Маргарет тихо застонала, и, обхватив руками живот, издала несколько надрывных криков.

— Миледи, что с вами? Вам плохо?

— Спазмы, потом сводит спину. Такое уже несколько дней. Это не опасно? — служанка, улыбнувшись, опустилась на табурет позади своей хозяйки и стала массировать ей поясницу: — Мадам, скоро на свет появиться ваш малыш, осталось три месяца. Но такие симптомы характеры для ранних родов. Возможно...

— Нет! — резко вскрикнула дама, отстранившись от своей горничной: — Я никогда не забуду, чем закончились мои преждевременные роды в прошлом году. Томас, мой мальчик, мой невинный ангелочек, прожил лишь две недели, и то очень сильно страдая от болей во всем теле. Потом Всевышний призвал его к себе. А Роберт, в чем заключалась его вина? Бог забирает моих детей. Беатрис, я не переживу такого вновь!

Холодные, как зимний воздух, слезы заструились по бледным, осунувшимся щекам Маргарет. Находясь на тридцатом году жизни, женщина выглядела гораздо старше, и служанка опасалась, что миледи не сможет вынести всех бед. Похудевшая, с бесцветными губами и таким же

лицом, леди Уэйк уже давно не находила себе места от страха. А последние трое суток, проведенные в этом доме, который, скорее всего, в прошлом принадлежал какой-то крестьянке, окончательно лишили несчастную женщину сил. Беатрис знала, что такие боли очень плохи на последних месяцах, но не говорила об этом миледи. Также служанка ведала и о приказе обезглавить Эдмунда Вудстока, но до последнего надеялась, что это не произойдет. Хотя, кроме молодого Эдуарда, графа спасти некому. А юный король, похоже, не сильно печется о судьбе родного дяди.

— Миледи, все будет хорошо. Я отведу Маргарет к брату, пусть вместе поиграют, а Джоанне расскажу сказку. Вы же отдохните, не спите уже несколько ночей, — Беатрис, позвав малышку, что с любопытством всматривалась в низкое окошко, с сочувствием посмотрела на свою хозяйку. Слишком много боли и страданий таили в себе ее серые, блеклые глаза.

— Я не могу спать. Только закрываю глаза, и в мыслях встает образ обезглавленного мужа. Это так страшно... Беатрис, я захлебнусь собственными чувствами! — сделав резкое движение служанке помолчать, Маргарет прислушалась. Нет, она не ошиблась... Стук копыт, громкие голоса с каждой секундой слышались все отчетливее, казалось, эти звуки проникают глубоко в сердце. Вскочив с

табурета, мадам Вудсток посмотрела в окно и замерла, ощутив, как когти страха врываются в душу. К дому приближались вооруженные стражники с желто-голубыми флагами, чьи цвета являлись символом герба рода Мортимеров. Тяжело дыша и пытаясь унять панику, Маргарет помчалась в крохотную детскую, где беспечно играли трое малышей. Прижав к себе удивленных дочерей и испуганного сына, англичанка глухо приказала:

— Запри двери, закрой окна, не впускай этих варваров! — служанка, дрожа от глубокого страха, кивнула, но услышав настойчивый стук, остановилась.

— Миледи, они сломают двери! Мы не можем противостоять десятке сильных мужчин с оружием!

— Нет, они убьют моих детей! — истерический плач женщины, что не выпускала из своих крепких объятий хрупких ребят, заглушил нетерпеливые слова Бодо де Байо — верного слугу Мортимера:

— Именем королевы Изабеллы, немедленно впустите нас! — безусловно, Роджер отлично понимал, что его власть в Англии еще не стала законной, и все приказы отдавались от имени ее величества матери нового короля.

Сжавшись на ветхом диване, Маргарет вздрогнула от пронзительного треска выбитой двери, что отлетела в другую сторону.

Вооруженные воины ринулись в крохотный домик, вскоре заполнив собой все две комнаты. Окруженная беспощадными головорезами, англичанка не решалась вскинуть голову, но, услышав уверенные шаги мерзавца Бодо, гордо поднялась, и, как истинная мадам Вудсток, бесстрашно посмотрела в его волчьи, карие глаза, наполненные нечеловеческой злостью. Женщина не могла и не хотела забыть, как этот негодяй вместе с Джоном Деверилом подло обманул ее мужа, отдав письмо, предназначенное для короля, Мортимеру. Англичанка окинула презренным взглядом мистера де Байо и скривилась от отвращения, что сковало все внутри.

Худощавый, высокий, с редкой копной каштановых волос, что едва прикрывали огромную лысину, Бодо напоминал презренного шакала, того что, рыская ночью, ищет себе беспомощную жертву, а потом вонзает ей в горло свои острые клыки. Да, именно на это гадкое животное был похож шпион Мортимера. Он, словно лиса, подло обманул Эдмунда Вудстока, долгое время притворялся его товарищем, а потом бросил на съедение гиенам. Трудно сказать, что де Байо не испытывал бессонными ночами угрызения совести, но он никогда не позволял истинным чувствам вырваться наружу. И сейчас ему ничего не стоило подтолкнуть слабую, незащищенную беременную

женщину в лапы своего господина.

— Леди Уэйк, — злобно прошипел сквозь зубы Бодо, желая ярко подчеркнуть тот факт, что вскоре Маргарет станет обыкновенной леди, носящей свою родовую фамилию. Ее никто больше не назовет мадам Вудсток, не посмеют: — Что за дерзость? Как вы можете меня, представителя лорда Роджера Мортимера, не впускать в дом, который вам и не принадлежит? Отвечайте!

— Не смейте на меня кричать! — надрывным голосом вскрикнула женщина, почти вплотную подойдя к французу, и прошептал ему на ухо: — Кто вы такой? Лишь жалкий, никчемный шпион Мортимера, игрушка в его руках. Вы все — ничтожества, не смеющие даже смотреть на английский престол, который законно принадлежит моему мужу! Ибо он — единокровный брат несправедливо убитого короля Эдуарда II! Сейчас на троне сидит узурпатор, которым управляет мать — шлюха! — покрасневшись и едва удерживая себя от пощечины, адресованной этой женщине, де Байо лишь оттолкнул ненавистную англичанку: — Клянусь, вы скоро заплатите за свои слова! Взять ее!

Четыре сильных воина схватили Маргарет, заломив ей руки за спину. Став кричать и вырываться, женщина вздрогнула от яростного смеха Бодо. Словно хищник, он обнажил свои зубы,

поглядывая на беспомощную даму, выплеснувшую ему в лицо свои ругательства: — Вы не имеет права! Я супруга Эдмунда Вудстока! Я Плантагенет!

Взрыв истерического смеха вновь сотряс стены дома: — Вы — супруга не Эдмунда Вудстока, а его трупа, что вскоре появиться на главных воротах! Вашего обожаемого муженька казнят через час, а вы со стен замка будете наблюдать за этим. Также ваши миленькие дети станут свидетелями смерти папочки, — серые, глубокие глаза Маргарет расширились от ужаса. Она, завопив, словно волк на луну, бессильно повисла на руках вооруженных мужчин, что поволокли свою жертву по скрипучему полу прочь из детской, где доносился плач несчастных малышей. И их, и Беатрис, обыкновенную служанку, повели вслед за женой Вудстока, чья голова вскоре отделиться от тела в страшных конвульсиях.

* * *

Изабелла, облаченная в алое, насыщенное блио⁶, чей цвет символизировал победу и власть, с

⁶ *Блио* — средневековая мужская и женская одежда, известная с X века. Женское блио представляло собой

горностаевой мантией на плечах, сколотой огромными изумрудными брошами в золотой оправе и с меховым чепцом на голове, гордо стояла в ледяном, пасмурном зале главной башни. Взгляд ее внимательных глаз проникал сквозь витражные, запотевшие окна. Королева даже не пошевелилась, когда по ступеням эшафота вели Эдмунда со связанными руками. Его тело, посиневшее из-за холода, и скрытое лишь под тонкой, льняной сорочкой, дрожало то ли от мороза, то ли от злости, что не помещалась в потемневших глазах. Сзади Изабеллы по правую сторону располагался Роджер, попивая густое вино из золотого кубка. А с левой стороны люди Мортимера крепко держали бледную, почти бесчувственную Маргарет. Стоило им отойти хоть на шаг, женщина сразу бы упала на ледяные плиты. Закутанная в черный плащ, с почти белым лицом и не моргающими глазами, несчастная напоминала мертвеца. Француженка, окинув сторбившуюся леди Уэйк презрительным взглядом, хищно улыбнулась. Эта женщина раздавлена, ее сердце разбито, а тело — это лишь никому ненужная оболочка. На удивление, королева смиловалась над детьми и не приказала

длинное платье, с узкими рукавами до локтя, которые расширились к запястью. Мужские блио были короткие и с такими же рукавами, а часто с их отсутствием.

привести их на казнь отца. Ребят повезли в замок Солсбери, который должен быть стать для вдовы Вудстока и его малышей истинной темницей.

Внезапно Эдмунд поднял глаза на башню и встретился с потухшим взглядом супруги. Лицо Маргарет, казавшееся неподвижной маской, расплылось в грустной, но живой улыбке. Англичанка сняла перстень, когда-то подаренный мужем, чтобы выбросить его через открытое окно прямо перед Вудстоком. Но Изабелла грубо схватила ее за запястье: — Держи свои чувства при себе. Приговоренному непозволительно касаться вещей из прошедшей жизни перед плахой. Теперь у него нет прошлого. Пора кончать этот спектакль прощания! Я прошу зачитать главного судью обвинения приговоренного к казне! — щуплый, невысокий мужчина средних лет стал громко говорить, четко проговаривая каждое слово, что резало сердце Маргарет не хуже ножа: — Эдмунд Вудсток, 1-граф Кент с 1321, сын покойного короля Англии Эдуарда I и брат также покойного монарха Эдуарда II, приговорен к казне через отсечение головы за заговор против короны! Суд официально призвал его виноватым! Все имущество Вудстока будет конфисковано, а семья заточена в замке Солсбери пожизненно! — судья почтительно поклонился ее величеству.

— Эдмунд Вудсток, ты, как и любой

приговоренный, имеешь право исповедаться перед смертью! Использую ли ты этот шанс очиститься от грехов? — мужчина резко поднял голову на королеву, и даже на таком расстоянии она почувствовала всю ненависть этого человека:

— Да, я, как и любой смертный, совершал грехи, ошибки, но они ничтожны по сравнению с твоими, Изабелла. Ты осуществила мятеж, убила мужа, объявила во всеуслышание свою прелюбодейскую связь с Роджером Мортимером! Ты недостойная женщина, и Господь покарает тебя, не в этом мире, так в другом.

Из горстки любопытных горожан вырвались несколько унижительных свистов и смех, адресованный королеве. Но та, гордо вскинув голову, недрогнувшим голосом ответила на оскорбительные слова Эдмунда: — Эти речи сказаны перед смертью, и я сделаю вид, что не слышала их, мистер Вудсток. Человек, ощущая на своей шее ледяное лезвие меча, беспомощен, и пытается гадкими словечками придать себе силы и могущества. Но тебе, увы, уже не поможет. Выполнить приговор! — палач, чье лицо тщательно скрывала черная маска, занес оружие над плахой. На площади воцарилось трепетное, боязливое молчание, вскоре нарушенное оглушающим треском. Кровь хлынула фонтаном, покрыв собой весь эшафот. Она, словно алые змеи, медленно

струилась по погнившим ступеням, окропляло собой обезглавленное тело, что билось в предсмертных конвульсиях в следах своей пролитой жизни.

Маргарет, издав хриплый возглас, обмякла в сильных руках беспощадных мужчин и вскоре провалилась в глубокую, щемящую пустоту. По бледной щеке несчастной покатились одна-единственная слеза, сотканная из озера разбитых надежд, моря боли и океана отчаяния.

— Миледи, она потеряла сознание, — Изабелла, даже не повернувшись на слова воина, безразлично фыркнула: — Посадите в карету и отправьте в Солсбери, а там тщательно запирайте в темнице. Не допустите, чтобы эта женщина посмела общаться с детьми. Если я узнаю, что подобное происходит...

Высокий, темноволосый охранник с нескрываемой грустью заглянул в белое лицо вдовы, потом перевел блуждающий взгляд на ее живот, едва скрываемый под полами плаща: — Но, мадам, миссис Вудсток беременна, ее необходимо отнести к повитухе.

Потеряв терпение и оттолкнув безразличного Мортимера, королева дала непокорному рабу сильную пощечину, с радостью наблюдая, как щека мужчины покрывается следами ее пальцев: — Послушай меня, эта дрянь — леди Уэйк, никто не смеет называть ее Вудсток! Она никчемная вдова,

ничто! И если этот скользкий комок плоти сдохнет в чреве своей матери, нам будет лучше! А сейчас немедленно убирайся с моих глаз! — тяжело дыша от ярости, мать монарха гневно захлопнула окно и пошагала вниз по мраморным ступеням, оставив в ледяном зале запах своих сладких, цветочных духов.

Роджер еще долго смотрел вслед любовнице и внезапно поймал себя на мысли, что страшится и опасается гнева этой женщины. Она, словно волчица, беспощадно вонзалась острыми, окровавленными клыками в горла врагов, разрывала на куски, радовалась и смеялась, наблюдая за кровью, что лилась из их обессиленных тел. Власти королевы мешал муж, она его уничтожила, мешал Эдмунд, она также отправила его на тот свет, теперь цель — стереть с лица земли Маргарет и ее детей. А кто следующий? Мортимер внезапно поперхнулся собственной слюной. Он знал на собственном опыте, что женщина у власти превращается в опытного, опасного хищника, готового наброситься даже на своих соратников. Изабелла переходит все границы, что ей стоит сделать еще несколько шагов вперед, чтобы стереть тень своего могущества, своего раба Роджера Мортимера, который так же, как и она, посягает на огромное влияние в Англии, и не только?...

Англия, замок Солсбери, 5 апреля 1330 года.

Маргарет мгновенно проснулась от получасового, неглубокого сна. Вновь духовно-истерзанной женщине снилось одно-и-тоже: плаха, а на ней окровавленная голова Эдмунда, на которой особо выделяются расширенные, огромные глаза. Леди Уэйк заглядывает в них и видит своих детей, повешенных на том же эшафоте, где пролилась кровь и Вудстока. Но, в какой-то степени, англичанка была благодарна Богу за то, что он не посылает ей сновидение из прошедшей жизни, там, где она — любимая и любящая жена, счастливая мать, уважаемая мадам. Да, это было бы худшим кошмаром, ибо женщина глубоко запечатала в своем разбитом, расколоте сердце картины из прошлого. Стоит к ним только коснуться, и все внутри вздрогнет от острой, горячей боли.

Вдова обезглавленного англичанина устало поднялась со смятой постели, заглянув в крохотное окошко, что нависало над головой. Занимался рассвет, а значит, она вновь провела еще одну бессонную ночь, растерзанную сомнениями, воспоминаниями, и маленьким отрезком неглубоко

сна с кошмаром. Маргарет устало обвинила потухшим взглядом стены темницы. Да, это была не худшая камера Солсбери, здесь, на удивление, стоял камин, горели ароматические масла для уничтожения сырости, две кровати были не сильно твердыми и узкими. На одной такой лежанке, сгорбившись, спала Беатрис, укутавшись в свой рваный, шерстяной плед. Мадам Вудсток, или, как ее теперь называли, леди Уэйк даже дали меховой плащ и позволили раз в неделю выходить во двор на несколько минут под тщательным присмотром охранников. Но с едой, увы, было туго. В день блюда менялись лишь два раза: скудный завтрак, состоящий из ломтя немягкого хлеба, кусочка сыра и стакана молока. Потом, к полудню, молчаливая служанка приносила обед: тарелку противного, рыбного супа и крохотный кусочек мяса. К вечеру вносили таз для умывания и кувшин с водой, изредка на подносе появлялись вялые фрукты.

Маргарет постепенно привыкала к такой жизни, не кашляла от каждого дуновения ветерка, выносила ужасный мороз, голод, одиночество и страх за малышей, которых беспощадно забрали. Люди Мортимера твердили, что с детьми все в порядке, они живы и здоровы, безопасно уютятся в соседней комнате, над ними тщательно присматривает опытная нянька. Но Маргарет от этих утешительных слов чувствовала себя не

лучше. Беспокойные мысли каждый день и ночь мучали ее душу. Ни разу Изабелла или ее любовник не посетили пленницу, женщина даже не знала, где они находятся. Многие говорили, что королевская мать уехала в Виндзорский замок, к своему сыну и его юной супруге — Филиппе де Авен ⁷. По крайней мере, леди Уэйк это волновало меньше всего.

Словно сглазив себя, женщина внезапно услышала хриплый голос, доносившийся за массивной, железной дверью. Он принадлежал ненавистному Мортимеру. Притворившись спящей, Маргарет быстро скользнула в кровать, укрывшись почти с головой теплым одеялом. Пленница вздрогнула и зажмурилась, услышав звуки открывающегося замка. Не двигаясь и отвернувшись к стене, она чувствовала на себе его злобный, хищный взгляд, слышала медленные, но уверенные шаги, принадлежавшие будто самому дьяволу. Внезапно Маргарет вспомнила, как Роджер домогался ее в прошлом, как однажды даже

⁷ *Филиппа де Авен — Геннегау (24 июня 1314, Валансьен — 15 августа 1369, Виндзорский замок) — королева-консорт Англии, жена Эдуарда III, мать его четырнадцати детей, ставшими в будущем основными участниками Войны Алой и Белой Розы.*

изнасиловал в переходах дворца. Вдова даже сейчас мысленно почувствовала на своей напряженной, горячей плоти его ледяные, шершавые пальцы, что проникали в самые потайные уголки женского тела. Что стоило Мортимеру сейчас разорвать в клочья одежду женщины, овладеть ей, причинить смертельную боль? Ровным счетом ничего. Она — его пленница, так было и будет.

— Маргарет, — низкий, противный голос Роджера коснулся ушей леди Уэйк, заставив ее повернуться к своему нежеланному хозяину.

— Что вы здесь делаете? — уловив на своих грудях, просвечивающихся через тонкий шелк сорочки, пытливый взгляд негодя, англичанка до подбородка натянула покрывало: — Немедленно уходите.

— А ты не волнуйся, я надолго не задержусь здесь. Я пришел сказать несколько слов, для меня они — ничто, но для тебя — гром среди ясного неба, — Маргарет усмехнулась, обнажив свои белоснежные зубы:

— Ты отобрал у меня самое важное в жизни — моего мужа, мою семью, мою гордость и уважение людей. Как ни старайся, большей боли ты причинить мне не сможешь, мое сердце заледенело. Сейчас я ничего не чувствую, — в глазах Мортимера блеснул мимолетный отблеск сожаления, но он быстро и умело справился со

своими чувствами. С хищной улыбкой опустившись на край кровати, мужчина коснулся огромного живота своей невольницы:

— Да, ты права, я отнял у тебя все, но...твоя душа будет страдать, если я заберу и детей? — встрепенувшись, словно от удара молнии, Маргарет с острыми, жгучими слезами на глазах отшатнулась от Роджера, обреченно замотав головой:

— Нет,...нет,...ты не посмеешь их убить... Не посмеешь... Я не позволю...

— Глупышка, — любовник королевы с какой-то животной нежностью провел большим пальцем по щеке Маргарет, потом вновь опустил ладонь на ее чрево: — Если бы я хотел казнить твоих малышей, то сделал бы это сразу, тогда, когда еще пролитая кровь Эдмунда Вудстока не засохла. Мне пока не нужны их жизни, поскольку они ничего не стоят, захочу — сохраню, захочу — отберу. Меня волнует этот малыш. Скажу прямо, Маргарет, в прошлом, ты, сама того не ведая, зверски соблазняла меня, дразнила своей красотой, о которой мечтали все леди Англии. Лет в восемнадцать ты была почти первой красавицей королевского двора и страны. Я мечтал о дне, когда смогу заключить твое юное, сочное тело в крепкие объятия. И вот ты передо мной. Но, увы, к тебе я уже ничего не ощущаю. С годами, наполненными тревогой, потерями, болями, ты потеряла свою

привлекательность. Посмотри на себя в зеркало. Бледная старуха с огромным животом. Где твои сияющие, светлые волосы, где блеск в очах, где манящая, свежая грудь? — женщина вжалась в стену, опустив глаза, наполненные слезами, в пол. Этот негодяй задел самые потайные струны в ее душе, струны былого счастья, красоты, молодости.

— Что ты от меня хочешь?

— Очаровательную девочку, что в будущем будет удовлетворять мои плотские желания, — без капли стыда произнес Мортимера, с радостью и наслаждением наблюдая за выражением лица Маргарет, на котором поселился немой ужас и отвращение. Несколько раз судорожно сглотнув, она вопросительно посмотрела на свой живот:

— Ребенок...ты хочешь отнять у меня...моего еще не родившегося ребенка?... Хочешь, чтобы он стал твоим предметом любовных утех в постели?

— Не он, а она. У меня нет бесстыжих наклонностей, как у короля Эдуарда II ⁸. Я беру на ложе лишь девочек. Мне не нужны твои слезы,

⁸ Эдуард II состоял в плотских отношениях со многими мужчинами, его супруга — королева Изабелла, приписывала ему также связь с Хью Диспенсером Младшим. Орудием смерти стала для монарха раскаленная кочерга, воткнутая в половое место.

стенания, крики, они не помогут, дорогая Маргарет. Я все решил, и ты, как моя пленница, подчинишься. Слушай меня внимательно и запоминай каждое слово, что станет для тебя дальнейшим будущим. Если родишь мальчика — он, как и все твои дети, будет жив и здоров, к нему никто не прикоснется с плохими намерениями, но, а если девочку, я заберу ее сразу после рождения, скажу, что это сирота какой-то крестьянки. Все поверят моим словам. Пока малышка не достигнет полового созревания, ее будет воспитывать няня, но потом она ляжет в мою постель и станет пылкой, покорной любовницей. Это произойдет не в пятнадцать-шестнадцать лет, а где-то в одиннадцать, после первых женских дней. Поэтому подумай над моими словами. Молись днем и ночью, чтобы на свет появился сын, иначе твою дочку постигнет незавидная судьба моей подстилки, — Мортимер с улыбкой поднялся, но женщина, обезумев от собственной боли, впиалась ему в руки своими ногтями и с криками стала бить кулаками по телу:

— Негодяй, подлец, развратник! Ты не отберешь мою девочку, я убью тебя, уничтожу! — глаза англичанки горели нечеловеческим огнем боли, губы выкрикивали проклятие, но даже это не помешало Роджеру схватить пленницу за запястья и дать сильную пощечину, от которой женщина

повалилась на кровать. Мужчина быстро зашагал к двери, а Маргарет продолжала лежать на твердом ложе, уткнувшись заплаканным лицом в подушку. Она знала, что Изабелла и Мортимер не позволят ей спокойно родить ребенка, еще одного потомка Вудстока, но несчастная даже подумать не могла, что похотливый взгляд мерзавца упадет на невинную, словно ангелочек, малышку.

Беатрис, проснувшаяся от криков и все это время сидевшая на лежанке, с сожалением подошла к своей хозяйке, опустив ладонь на ее вздрагивающее от рыданий плечо: — Господь милостив и справедлив, миледи. Поверьте, Он пошлет вам мальчика.

* * *

Вечернюю тишину разрезали громкие, надрывные крики, идущие из камеры Маргарет. Изабелла, которой сообщили о ранних родах леди Уэйк, стояла в темнице, созерцая мучавшуюся женщину насмешливым, злобным взглядом. Над роженицей трудилась лишь одна тюремная повитуха, противная старуха с недовольным, морщинистым лицом. Беатрис, верная служанка, сжимала руку своей госпоже, шепча утешительные слова. Англичанка молила, чтобы приехала тетя Анна, опытная лекарка, что принимала у нее все

роды. Но королева, словно опасаясь удачного завершения, наотрез отказала, прикрикнув на пленницу: — Твои желания здесь никого не волнуют! Будь благодарна, что роды принимает хоть какая-то бабка, иначе мучилась бы сама!

К облегчению Маргарет, мать короля вскоре покинула камеру, но перед уходом что-то долго рассказывала повитухе. Леди Уэйк боялась, что лекарка умертвит ребенка еще в чреве, но, на удивление, старуха делала все, дабы облегчить боли роженицы. Наконец несчастная ощутила, как между ног скользнул какой-то мягкий, скользкий комочек. Раздался детский, громкий плач, когда повивальная бабка обрезала пуповину и прижала к груди совсем крохотного, недоношенного младенца. Мальчика... Маргарет хотела возблагодарить Бога за сына, но боль не отступала, сватки продолжались. Залитая потом, с открытым в крике ротом, англичанка до крови сжала подлокотники кровати, когда повитуха нагнулась над ее чревом и проникла вовнутрь, извлекая еще один маленький комочек с тоненькими ручками и коротенькими ножками.

— Миледи, у вас двойня: мальчик...и девочка, — Маргарет отрицательно замахала головой, всматриваясь в кроху, которую тщательно пеленала лекарка. А первого ребенка крепко сжимала Беатрис, со страхом поглядывая на свою госпожу:

— Что будем делать, мадам? — дрожащими руками вытерев пот со лба, женщина бросила полубезумный взгляд на блюдо, наполненное яблоками, из одного торчал тонкий ножик для разрезания. Дрожа всем телом, леди Уэйк сжала в руке кинжал и быстро вонзила его в грудь повитухи, которая, кашля кровью, медленно оседала на пол, застеленный сухим тростником. Испуганная служанка, лихорадочно схватив младенцев и положив их на свою лежанку, стоявшую в дальнем углу камеры, нагнулась над убитой, коснувшись ледяной ладонью страшной раны прямо около сердца: — М... миледи, зачем вы это сделали? — Маргарет, все еще ощущая нервную дрожь на каждом кусочке тела, с трудом поднялась с кровати, жмурясь от боли, сковавшей низ живота.

— Нет, не вставайте! Вам нужно лежать, может начаться кровотечение. Подумайте о своем и так подорванном здоровье.

— Мы должны что-то придумать, Беатрис. Они отняли у меня мужа, разлучили с детьми, но к этой малышке они не посмеют прикоснуться! Негодяй Мортимер никогда не получит моего ангелочка! — жгучие, ослепляющие слезы застыли в блеклых глазах леди Уэйк, но она, несмотря на панику, смогла громко и уверенно проговорить: — Беатрис, ты сделаешь все, о чем я попрошу?

Тяжелое тело немолодой служанки склонилось в реверансе: — Вы много лет назад спасли меня от гибели, а мою семью — от разорения. Я поклялась в верности вам и всем Вудстокам. И поверьте, свою клятву я не нарушу. Ради любого вашего приказа я готова идти даже в ад.

— Мы должны...отдать девочку другим людям, — надрывающимся голосом пролепетала женщина, обхватив озябшие плечи влажными руками, на которых еще теплилась кровь повитухи: — Эта старуха знала все, но теперь ее уста навеки закрылись. Никто, кроме нас, пока не ведает об этой страшной правде. Беатрис, как мне не было бы больно, как бы сердце не разрывалось от печали, а слезы не разъедали глаза, я обязана сказать это: я спасу малышку ценой собственного счастья, ибо мои дети для меня — вся жизни, в них моя душа, я не хочу для них пагубной доли. Ты оденешь одежду повитухи, спрячешь девочку под плащом, выйдешь на свободу и позаботишься о ней. Лучшим способом было бы отдать ребенка в другую семью, но здесь неподалеку есть монастырь имени Пеги Мерсийской ⁹. Однажды мне приходилось там

⁹ Пега Мерсийская (673, Мерсия — 713, Рим) — англосаксонская отшельница, святая Католической церкви,

бывать. Это прекрасное, невинное место, настоящий рай на земле для верующих христиан. Я сама мечтала однажды принять постриг в монахини, но не судилось. Теперь мысль, что моя дочка, избежав похотливой опасности, станет верно служить Господу Богу, тешит мое сердце.

Служанка, не веря своим ушам, вопросительно посмотрела на крохотную, мирно спавшую девочку с благоговейным выражением на белоснежном личике: — Мадам, вы не сможете оторвать ребенка от груди! Послушайте, может, есть другой выход!..

— Нет! — резко подняв руку, Маргарет опустила на подушки, пытаясь не смотреть на лужу крови: — Ты сделаешь то, что я приказала.

— Допустим, я соглашусь, но как выйти из темницы, как спрятать труп? Миледи, это не шутки, а игры со смертью, с самой могущественной Изабеллой и ее любовником. Если они, не дай Бог, узнают об этом, то просто убьют нас! — насмешливый огонек блеснул в глазах леди Уэйк,

день памяти — 8 января. Вела затворническую жизнь в Фенсе (ныне Пикирк). Когда брат отшельницы, св. Гутлак Кроуландский, умирал, то призвал ее к себе на похороны. По преданию, женщина плыла вниз по реке Велланду и излечила слепого из Висбеха. Отдав вещи в монастырь, которые завещал ей брат, Пега уехала в Рим и там отошла в мир иной.

когда она, жестом подозвав к себе служанку, прошептала ей на ухо:

— Я же сказала, моя жизнь для меня ничего не стоит. Отныне я на этом свете существую только ради детей, — отстранившись, вдова вяло и сухо проговорила следующие слова, чувствуя, как изнемогает от усталости: — Вытри кровь, труп замотай и положи в мешок, принесенный старухой. Разные лекарства и настойки уничтожат запах. А девочку спрячь под плащ, в котором я приехала. В коридорах было и есть темно, ни один стражник не разглядел лицо повитухи, его видела лишь королева, но, дай Бог, она вскоре не придет. Я привлеку внимание охранников, а ты тем временем незаметно выйдешь. Лекарка приказала не беспокоить ее, поэтому, минимум полчаса у нас есть. Сделай все побыстрее, — служанка пыталась не обращать внимание на огонь боли и страданий, что горел на самом дне потухших очей. Даже в этой роковой ситуации, после долгих часов мучений, Маргарет оставалась миледи, госпожой, спрятавшей собственные чувства в глубине гордости и непоколебимости.

Бывшая мадам Вудстока, укутавшись в меховую накидку, продолжала полулежать на кровати, когда Беатрис тщательно смывала следы пролитой жизни и заматывала труп. Все это казалось женщине каким-то кошмаром, сном, от

которого она вскоре проснется и войдет в безмятежную реальность. Видеть смерть мужа, жить в постоянном страхе за детей, убить собственными руками, не прикоснуться к новорожденной дочери — леди Уэйк не знала, как вынесла все это. Да, сердце щемило от боли, а сама англичанка до безумия хотело почувствовать тепло крохотного тельца, вдохнуть его аромат, приласкать, накормить грудью, но вместо этого равнодушно наблюдала за преступлением. Черная игра, что началась совсем недавно, стала частью души и больше никогда ее не покинет.

Когда все было готово, Беатрис, одетая в одежду повитухи и тщательно спрятавшая следы крови под плащом, поднесла к своей хозяйке мирно спавшую девочку с ангельским лицом: — Вы хоть посмотрите на нее, послушайте биение сердца, вдохните родной запах. Она так похожа на вашего мужа...

— ...покойного мужа, — горестно поправила Маргарет, и, отвернувшись к стене, проговорила: — Беатрис, отнеси дитя в обитель и отдай святой сестре. Немедленно!..

— Но, мадам!

— Нет, — резко ответила отчаявшаяся невольница: — Я не хочу ее видеть. Спрячь ребенка под плащом, подойди с мешком к дверям. Я сейчас позову охранников, а ты тем временем спокойно

выйдешь, — взяв на руки мальчика и дав ему грудь, женщина внезапно поняла, что этот ребенок гораздо ближе ей, чем тот, которого крепко держала служанка. Через несколько минут на зов Маргарет пришли стражники: — Ну, она родила? — Беатрис, побелев от страха, кивнула, пытаясь вести себя смело и непринужденно: — Да, родила прекрасного, здорового сына. Роды начались преждевременно, но и мать, и ребенок в порядке. Правда, есть некоторые проблемы в суставах малыша...

— Хватит, меня не интересуют подробности, — сухо перебил низкий, тучный мужчина средних лет, внимательно осмотрев мнимую лекарку: — Если уже все в порядке, можешь идти, — наконец услышав долгожданные слова, Беатрис направилась к выходу, но стражник внезапно остановил ее, придержав за локоть:

— Что в мешке?

— М... мои сменные вещи и... лекарства, — запинаясь, проговорила служанка, встретившись с испуганным взглядом Маргарет: — Если хотите, можете посмотреть.

— Нет-нет, у меня мало времени. Иди уже, королева сказала, что не желает тебя видеть после возвращения в замок, — улыбнувшись, Беатрис быстрым шагом пошла вон из камеры, благодаря Господа за помощь.

Вслушиваясь в отдаляющиеся шаги лживой повитухи, охранник внимательным взглядом окинул помещение, и, слава Богу, не заметил отсутствие немолодой женщины, о которой ему было почти ничего не известно. Подойдя к леди Уэйк и заглянув в белоснежное личико мальчика, мужчина со скрытой радостью проговорил:

— Вижу, Всевышний любит вас, поскольку спас от великой беды. Будьте спокойны, к вашим детям никто не прикоснется, жизнь этого малыша под моей защитой.

— Спасибо, — улыбнувшись, англичанка показала на стул, приглашая присесть, но охранник, отрицательно покачав головой, быстро спросил: — Если вам что-то нужно, говорите. Я сделаю все, что в моих силах. Ваш покойный супруг был очень хорошим человеком, много раз я становился ему верным помощником, соратником. Увы, доля распорядилась по-своему. Эдмунда Вудстока нет на этом свете, вы, его жена, томитесь в темнице вместе с детьми. Я сочту за честь, оказав вам какую-то услугу, — нагнувшись над Маргарет, прошептал стражник, поглядывая на своего товарища, что стоял у двери.

— Эта повитуха... Проследите за ней. Она должна безопасно доставить кое-кого в монастырь Святой Пегги. Если возникнет опасность, помогите, защитите слабую женщину. После этого расскажите

ей, что вас прислала я, и от моего имени прикажите возвращаться к семье. Но никто, особенно Изабелла и Мортимер, не должны об этом знать.

— Как пожелаете, — быстро поцеловав ледяную руку леди Уэйк, стражник пошагал к выходу, смерив женщину надежным, теплым взглядом.

* * *

Спустя два дня.

Маргарет сквозь сон ощутила, как чей-то приглушенный, мужской голос зовет ее, а шершавая ладонь скользит по плечу. Вскрикнув от неожиданности, женщина мгновенно открыла глаза, с непониманием созерцая над своей кроватью чье-то мужское лицо, в темноте казавшееся просто черным пятном.

— Миледи, не бойтесь, это я — Брюс Саут, — охранник поднял свечу, зажатую в крепкой руке, освещая свое нахмуренное лицо: — У меня для вас важные новости.

Маргарет, уловив в голосе немолодого мужчины напряженные, грустные нотки, с тревогой поднялась, кутаясь в шаль. Окруженная глубокой, непроглядной темнотой, женщина благодарила Бога, что не видит очей охранника, которые

говорили быстрее слов: — Я вас слушаю, — сухо проговорила леди Уэйк, готовясь принять роковую, страшную правду. Да, что-то случилось, с ее дочерью, с этой хрупкой, невинной малышкой.

— Миледи, — сжавшись от порывов ледяного ветра, проникавшего в камеру через щели в окнах, Брюс аккуратно коснулся ледяной рукой теплых ладоней женщины, накрыв их своими пальцами: — Как вы и просили, я следил за той повитухой на протяжении нескольких дней. Оказывается, она далеко не лекарка... Я отлично понимаю ваш страх и не смею осуждать за обман. Дело далеко не в этом, мадам, — несколько раз судорожно хватанув побелевшими губами холодный воздух, Маргарет с пониманием кивнула, чувствуя, как беспощадные когти паники врезаются в душу:

— Говорите..., говорите...

— Ваша дочь, которую вы спрятали от жестоких целей Мортимера, она...

— Что с ней? Что с Беатрис? Где она? Прошу, мистер Саут, говорите, не убивайте меня своим молчанием! — хрипло взмолилась леди Уэйк, сцепив похолодевшие руки на коленях с такой силой, что побелели костяшки.

— Мои соболезнования. В прошлую ночь ветер разыгрался не на шутку, ломал ветви, вырывал с земли деревья, ливень размывал дороги, воды выходили из берегов... Река Эйвон, всегда

славившаяся своим бурным течением, поднималась до небес, потом с грохотом опускалась на дно. Горе тому, кто находился в это время на побережье. Беатрис, как раз, подгоняемая дождем, бежала в укромное место и не заметила, как на нее обрушилась пенная волна, как заволокла вглубь. Я расспросил лодочников, ставших невольными свидетелями этого страшного события. Они видели, как женщина тонет, слышали ее крики... По их словам, несчастная сжимала у груди какое-то покрывало. Из-за темноты они не смогли рассмотреть, был ли там замотан ребенок, но скорее всего, да. В следующее утро на противоположном побережье нашли труп новорожденного, пол которого не удалось установить из-за страшных телесных увечий, которые могла нанести лишь разбушевавшаяся, в непогоду, река. Я целый день бродил по берегу, искал хоть какие признаки, отправился в монастырь. Святые сестры даже на порог не пустили, отгрызнувшись, что не видели никакой малышки. Мне очень жаль, но это воля Божья, — Маргарет, с каменным выражением лица, продолжала неподвижно сидеть, непонимающе уставившись на охранника. Она, несчастная, презренная вдова, а теперь еще и мать мертвого ребенка, умершего из-за нее самой!.. Женщина хотела сглотнуть, облизать пересохшие губы, но тело не слушалось, было каким-то ледяным и

твердым, как белоснежный мрамор. Женщина вздрогнула, словно от прикосновения огня, когда Брюс поднес ее руку к губам, оставив на ней свой нежный, дружеский поцелуй:

— Таковы интриги судьбы, мадам, мы ничего не можем сделать. Знаю, ваша боль нестерпима, остра, как лезвие кинжала, она жжет пламенем и одновременно обдает холодом. Это такое непонятное состояние, когда не знаешь, где ты: в раю или в аду, ты словно между ними, в чистилище. Слезы текут по щекам, хочется выть, кричать, терпеть невыносимо, а ран на теле нет, ибо они там, где их не залечишь лекарствами, где они никогда не заживут, лишь боль немного притупится. Молитесь, Маргарет, молитесь днем и ночью, чтобы душа вашего мужа и дочка полетела в рай, где они встретятся, и с Небес будут наблюдать за вами и детьми, помогать, приходить ночью во снах. В этом грязном мире им не место. Все мы когда-то там будем, лишь в разные сроки, — женщина монотонно кивнула, и только сейчас поймала себя на мысли, что не плачет, у нее больше нет сил на это, хотя хотелось зарыдать, сбросить с себя весь этот холодный сгусток чувств. Она потеряла дочку, даже не поцеловав ее, не приласкав, не вдохнув запах... Недавно забившееся сердечко вновь остановилось, прекратило свой ход.

— Мадам, мне удалось узнать, что муж

покойной Беатрис умер в прошлом году, а родители скончались десять лет назад. Все это время одиннадцатилетняя Люсинда жила на попечении престарелой служанки, прикованной к постели. Я нашел их крохотный дом, погрязший в грязи и нищете. Эту холодную зиму несчастные пережили очень туго, голодали, спали, прижавшись, друг к другу, и укрывшись единственным тонким одеялом, ели остатки со столов богачей. У меня сердце екнуло, когда я увидел эту худую, бледную девочку, шатающуюся от слабости, замерзшую и голодную. Еще бы несколько лет, и она бы просто умерла. К больной старушке я позвал лучших лекарей, и на их руках она отдала душу Господу вчера вечером. А девочка... Она осталась сиротой, у нее нет родственников, даже дальних. Ребенка положено отправить в приют, но, может быть, вы захотите взять ее себе? — аккуратно предложил Брюс, наблюдая, как бледное, бесчувственное лицо Маргарет приобретает заинтересованный оттенок. Да, сейчас было не время об этом говорить, но только такими речами охранник желал вернуть заблудшую женщину в реальность, какой бы суровой она не была.

— Что вы имеет в виду, мистер?

— Люсинда уже далеко не беспомощная малышка, благодаря трудной жизни она научилась сами приглядывать за домом, готовить еду, убирать,

делать все, что в ее силах. Девочка несказанно тоскует за матерью, но она ее почти и не знала. Та родила и через несколько лет стала вам служить. Я понимаю, что место опытной Беатрис не заменит несовершеннолетняя девочка, но не оставляйте ее на улице. Люсинда готова продолжить службу матери, стать вашей тенью, ушами, глазами. Возможно, когда-то малышка сможет превратиться в верную подругу вашим дочерям, — напоминание о детях остро кольнуло в сердце Маргарет. Она внезапно поняла, что ее исчезнувший ребенок так и не стал им ровней. Да, малышка была зачата в законной, брачной связи, но ублюдком ее сделали грязные посягательства Мортимера. Возможно, так будет лучше для всех. Душа девочки, еще такая легкая и не запятнанная земными грехами, отправилась к Престолу Божьему, у Которого найдет приют и спокойствие. Леди Уэйк волновало то, что ребенка не успели окрестить даже после смерти, но Господь великодушен и Он все понимает. Но теперь англичанка знала, что будет всеми силами оберегать крохотного сына, получившего имя Джон в тишине часовни, на руках священника.

Вытерев кончиками пальцев жгучие слезы, Маргарет, как истинная Вудсток, кивнула: — Хорошо, девочка будет мне служить. Где она?

— Ожидает за дверью, — хлопнув несколько

раз в ладоши, охранник наблюдал, как в камеру, дичась, входит светловолосая малышка, чье тело изогнулось в глубоком реверансе, а руки покорно сложились в молитвенном жесте:

— Мадам, мое почтение. Для меня огромная честь видеть ваше благословенное лицо, — без капельки чувств девочка проговорила давно заученные фразы, и, подойдя ближе, оставила на протянутой руке Маргарет кроткий поцелуй.

— Мне известно о твоём горе, Люсинда, и я понимаю затруднительное положение, в котором ты оказалась. Я готова помочь тебе, но насильно прислуживать мне тебя никто не заставляет. Последний выбор за тобой, — также монотонно ответила леди Уэйк, понимая, что они с этой девочкой — две птицы, потерявшие крылья. Теперь их обязанность просто существовать на этом свете, говорить вежливые слова, помогать друг другу. Но у ребенка еще все впереди, а у нее, баронессы Уэйк из Лиделлы, все кончено.

— Я согласна, госпожа. У меня нет никого в этом мире, и служение такой даме, как вы — истинный подарок Господа.

Удовлетворенно кивнув и отослав малышку спать в дальний угол камеры, Маргарет уловила на себе взволнованный взгляд мистера Саута: — Мадам, я еще не все вам сказал. Эта девочка — не дочь покойного мужа Беатрис, а дитя, зачатое в

грехе. Поговаривают, что женщину изнасиловал какой-то святой инквизитор, а потом прогнал прочь. Ваша служанка об этом никому ничего не говорила, но, похоже, что это правда. Я обнаружил на шее спящей Люсинды какой-то кулон в виде звезды, внутри которого крохотный, размазанный портрет неизвестного человека. Вот он, — мужчина протянул англичанке тонкое, старое украшение, которое она тщательно запрятала под сорочку:

— Меня не волнует тайна рождения этой малышки. Многие служанки беременеют от незнакомцев, рожают бастардов, а потом они еще и становятся уважаемыми людьми в благородном обществе. Здесь нет ничего особенного, — отмахнулась женщина, давая понять, что встреча окончена.

— Да, но...

— Мистер, я благодарна вам за известие, хоть оно стало для меня очередным концом света, но теперь я хочу побыть одна. Не привлекайте лишнего внимания своим чересчур долгим пребыванием в моей камере. Можете идти, — Брюс, поклонившись, направился к выходу, удивляясь, как даже после такой страшной новости эта женщина осталась волевой и гордой. Правда люди говорили, что она напоминает бесчувственную, фарфоровую куклу, у которой вместо сердца — кусок железа. Но мужчина просто

не знал, что есть такая боль, после которой ничего в душе не остается. Ты просто не боишься, ибо самое худшее произошло, ты привык к постоянным страданиям. Бывает, сердце разлетается на тысячи осколков, и наносить удары больше нечему.

Глава 2

Англия, Виндзор, 13 февраля 1344 года.

Джоанна, плавно расчесывая старым, серебряным гребнем свои каштановые, с легким, золотистым оттенком, волосы, улыбнулась, подумав о своей матери, наконец отбывшей наказание в дальнем монастыре. Ее, Маргарет Вудсток, обвинили не только в помощи изменнику Короны — графу Эдмунду, но также и в греховной, прелюбодейской связи с Мортимером, которого 1330 года приговорили к смертной казни. Безусловно, девушка была благодарна своему августейшему кузену за освобождение из Солсбери, но не могла простить ужасно-долгой ссылки мамы, что длилась целых тринадцать лет! Ее, Джоанну Плантагенет, воспитывал недавно умерший Уильям Монтегю, 1-й граф Солсбери ¹⁰ и супруга Кэтрин

¹⁰ Уильям Монтегю (1301, Кэссингтон, Оксфордшир — 30

Грандисон. Опекун Джоанны, получив страшные травмы на турнире, испустил дух 30 января. А его супруга, убитая горем, решила уединиться в дальней обители. Безусловно, девушка горевала о мужчине, благодаря которому стала образованной, воспитанной леди, такой, какой обязана быть кузина короля. Но с судьбой не поспоришь, и англичанка благодарила Всевышнего, что Он своей волей приказал Эдуарду, наконец, выпустить из обители невиноватую женщину.

С наслаждением прикрыв глаза, девушка позволила служанке Люсинде снять с себя всю одежду и опустилась в мраморную лохань, наполненную теплой, приятной водой. Эта зима выдалась очень холодной и ветреной, крестьяне сотнями умирали от голода и холода, и порой Джоанна вздрагивала при мысли, что пока она нежится у камина, кто-то испускает дух на ледяном снегу. Но прелестная красавица быстро гнала от себя эти мысли, понимая, что она — миледи, и обязана жить в роскоши. Чересчур мягкие сердца опекунов сделали из хрупкой, неуверенной девочки настоящую гордую, самовлюбленную девицу, привыкшую получать все

января 1344, Виндзор) — первый *граф Солсбери* и первый король независимого *королевства Мэн*, английский дворянин, близкий к королю *Эдуарду III*.

желанное в самые короткие сроки. Мисс Кэтрин делала все возможное, чтобы малышка не тосковала о матери. Не получив разрешение короля, женщина раз в несколько месяцев отвозила воспитанницу в монастырь, где ту приветливо встречала немного грустная, но всегда уверенная и высокомерная Маргарет Уэйк. Да, тринадцать лет слишком большой срок, и даже самая искренняя любовь может увянуть, но Джоанна никогда не забывала мать, которая ради детей терпела постоянные лишения и боль.

Увы, хуже дела обстояли с Джоном, рожденным в холодной, суровой темнице. Хилый и болезненный, четырнадцатилетний юноша очень сильно отличался от своих сверстников. Езда на лошади являлась для него целой проблемой из-за проблем с костями, а стрельба из лука и арбалета была невозможной через ужасную близорукость. Всегда находившейся на попечении старшей сестры, мальчик не думал, что когда-то останется один, без посторонней помощи. И такое время настало. Король желал отослать хрупкого кузена в Солсбери, в обитель-школу для юношей, где их обучали и готовили в монахи. Пост настоятеля и главного учителя занимал всеми уважаемый епископ Севастиан Морэй. Ходило много слухов и даже легенд об этом старике, кто боялся его, называя самым демоном, кто боготворил, как

великого святого. По словам одного торговца, Севастиан по ночам призывал к себе дьявола, живущего далеко в небе, на звездах, и говорил с ним об астрономии, за каждый совет, отдавая каплю крови. Никто не знал почему, но епископ очень любил изучать разные созвездия, дружил со многими астрологами, но всем эта дружба казалась грязной и кровавой.

Пытаясь прогнать от себя страх за будущее брата, Джоанна завела беседу с горничной, тщательно втиравшей в ее юное, цветущее тело ароматические масла:

— Люсинда, что произошло? Ты целый день молчишь, не улыбаешься. Это так тебя расстроило возвращение моей матушки?

— Нет, миледи, как можно? Я уважаю и люблю мадам Вудсток. У обыкновенной служанки не может быть неприязни к людям, давшим ей кров над головой, пищу и воду, — уловив в дрогнувшем голосе девушки предательские, нервные нотки, леди Плантагенет, придерживав ее за запястье, приказала опуститься на корточки перед лоханью. Внимательно посмотрев в ясные, небесно-голубые глаза камеристки, Джоанна аккуратно, но настойчиво спросила:

— Тогда в чем дело?

— Миледи, я...

— Говори. Ты же знаешь, я люблю тебя, как

сестру. Между нами не должно быть секретов, — мягко пролепетала англичанка, наблюдая, как Люсинда, опустив очи, стала почти беззвучно шептать:

— Я не имею права даже так думать, не то, чтобы об этом говорить, но вы..., вы настояли. Поймите, это лишь слухи, и, дай Господь, дабы они остались ложью. Но сегодня в многочисленных лавках, площадях, просто на улице, я слышала разговоры о...неверности королевы. Будто ночью, в тайном саду, она встречается с каким-то таинственным рыцарем, у которого на левом запястье завязана алая, шелковая нить. Говорят, несколько слуг даже видели их...

— Замолчи! — резко вскрикнула Джоанна, и, выбравшись из ванной, набросила на плечи теплый, меховой халат: — Как ты смеешь даже думать, что эти грязные сплетни — правда? Ее величество подарила нашему монарху девять славных детишек ¹¹, половина из которых — принцы! Пусть языки отсохнут у тех, кто смеет клеветать на супругу помазанного короля! Эта ложь, других вариантов я даже не допускаю. И знай, — леди почти вплотную подошла к испуганной служанке, и, положив ей

¹¹ В будущем Филиппа станет матерью еще пятерых детей.

руку на плечо, тихо прошипела на ухо: — Если кто-то услышит от тебя подобные слова, ты пожалеешь, что родилась. А теперь иди, и в ближайшие часы не смей попадаться мне на глаза, — Люсинда, присев в реверансе, поспешно покинула покои, а Джоанна еще долго смотрела ей в след, внезапно поняв, что дрожит от холода. Протянув похолодевшие ладони к камину, девушка опустилась на низкий табурет, закусив губы. Если Филиппа и правда изменяет Эдуарду... Девушка понимала, что такое вполне может быть, сердце женщины полно тайн и обманов, и даже самая верная когда-нибудь решится запорхнуть в постель к другому, но мать девяти детей — никогда!..

Завязав волосы в пучок и скрыв их под меховым капором, англичанка набросила на скромное, темно-лиловое блио роскошный, бархатный плащ с золотыми бляшками, и поспешила в огромный, квадратный двор, где с минуты на минуту должна появиться карета баронессы Уэйк. Главная площадь замка уже была набита любопытными, и даже сам король пожелал встретить тетю. С трудом пробившись к монарху, леди Плантагенет склонилась в реверансе: — Милорд, вы тоже пришли... Это большая честь для нас.

— Оставь глупые приветствия, сестренка, —

весело хохотнул Эдуард, заключив кузину в крепкие объятия. Они не виделись больше месяца, Джоанна, проживая в родовом поместье, редко жаловала к королю, и, в какой-то степени, была этому рада. Постоянные вопросы и шутки насчет ее замужества допекали девушку, и даже сам монарх присоединился к рядам недовольных горожан. Разумеется, король имел полное право сам решать судьбы своих подданных, но юной кузине, к которой питал нежную любовь, позволил самой выбрать достойного жениха, что считалось сверх неприличным.

В нескольких шагах от Эдуарда, окруженная своими верными фрейлинами, стояла сама королева, покрасневшая от пронзительного холода. Сделав несколько шагов навстречу, склонившейся в реверансе, Джоанне, Филиппа приветливо улыбнулась:

— Доброе утро, девочка моя.

— Приветствую, ваше величество. Вы прекрасно выглядите, этот румянец несколько не портит вас, — льстиво заметила Джоанна, наблюдая, как в глазах королевы блеснул подозрительный огонек. Супруга монарха, привыкшая к сухости и холодности со стороны леди Плантагенет, невольно удивилась, поймав на себе ее восторженный, но какой-то двойственный взгляд.

Неловкую паузу между женщинами развеял громкий возглас глашатая: «*Внимание! Леди Маргарет Вудсток, баронесса Уэйк!*» — под громкие крики приветствия и стук барабанов въехала темная, скромная карета без герба, запряженная двойкой хилых, невзрачных лошадей. Казалось, что едет какая-то мелкопоместная миссис, а не тетя самого короля Англии!

Кучер, представляя собой низкого, худощавого старика в потертом одеянии, спрыгнул с возвышения и, открыв дверцу кареты, подал руку мадам. Маргарет, прихрамывая, подошла к удивленной и разочарованной толпе, ловя на себе их презрительные взгляды. Все ожидали увидеть роскошный, позолоченный экипаж, великолепных, крепких лошадей и такую же хозяйку. Но, увы, жизнь в нищете берет свое, и баронесса Уэйк, когда-то обожавшая богатства, дорогие наряды и изысканные украшения, превратилась в пожилую матрону, облаченную в черное, без украшений, платье, и такую же теплую накидку.

Пытаясь развеселить поникших людей, Эдуард с улыбкой вышел вперед, галантно поцеловав руку тети: — Вы ни капельки не изменились, мадам. Эти тринадцать лет в тишине и покое пошли вам на пользу. Теперь, надеюсь, вы, вдоволь отдохнувши, с головой погрузитесь в мир прекрасных интриг и королевского шарма?

Блеклые губы женщины растянулись в немного грустной улыбке:

— Мне очень жаль, милорд, но я не собираюсь присоединяться к вашему двору. У меня есть собственный замок, некогда построенный покойным мужем, там я и буду жить. Я получила ваше письмо насчет Джона. Я тоже считаю, что мальчику будет лучше заняться монастырским образованием. А, где моя дочь Маргарет? С ней все в порядке? — Джоанна почувствовала, как зависть подступила к горлу. Матушка обратила на нее лишь мимолетный, равнодушный взгляд, не поцеловала, даже не подошла. Обиженно отвернувшись, девушка увидела, как королева кивком приказала ей удалиться. Едва сдерживая в себе обиду, англичанка, растолкав любопытную толпу, направилась к главным дверям, за которыми скрылась.

В замке царило радостное возбуждение, все смеялись, шутили, что-то живо обсуждали. Но Джоанна, не обращая на все это веселие никакого внимания, пересекла два коридора, наконец, оказавшись в своих временных покоях. Девушка с трепетом и хрупкой надеждой ждала, что на лестнице раздадутся тяжелые шаги, а в комнату войдет улыбчивая мама, но ожидания оказались тщетными. Не пригласили ее и на роскошный ужин, устроенный в честь возвращение мадам Вудсток.

Было далеко за полночь, когда часовые в последний раз перед заутренней молитвой делали обход. Услышав, как их шаги стихли, Джоанна выбралась из постели, и, пробежавшись босиком по ледяному полу, быстро надела шерстяное, домашнее платье. Убедившись, что Люсинда спокойно спит в соседней комнатушке, девушка тщательно закрыла покои и поспешила вниз по лестнице. За весь день Маргарет ни разу не наведала дочь, и англичанка понимала, что это не просто так. Даже в такой поздний час дочь графа была полна решимости узнать причину. Быстро идя по холодным, пустынным холлам, Джоанна вскрикнула, когда перед ней появился заспанный слуга со свечкой в руке. Устало протерев глаза, он поклонился, не сводя с леди удивленного взгляда: — Что вы здесь делаете в такой час? Что-то случилось?

— То же самое я хотела спросить у тебя. Что за ночные путешествия по замку?

— Помилуйте, миледи, просто встал воды попить.

— Где покои леди Маргарет? Отведи меня к ней, — неловко переминаясь с ноги на ногу, пожилой мужчина, опустив глаза, тихо ответил:

— Я не знаю, ваша светлость. По слухам, баронесса не останавливалась здесь, а сразу поехала в Оксфордшир, в свое поместье.

— Сама? — сухо пролепетала Джоанна, чувствуя, как глаза наливаются тяжелыми слезами.

— Нет, ваша светлость, с леди Маргарет и сэром Джоном, — уловив в потемневшем взгляде девушки непонимающий огонек, слуга продолжал беречь рану обидными словами: — ...со своими детьми, — какое-то непонятное чувство, вмещавшее в себя и досаду, и злость, сковало Джоанну. Гневно прогнав слугу, девушка хотела вернуться в свои покои, внезапно ставшие темницей боли, но остановилась, услышав непонятные возгласы, напоминающие стоны во время близости.

Внезапно вспомнив слова Люсинды, Джоанна пошатнулась от головокружения, вцепившись ледяными руками в каменный выступ. Страх и любопытство, стыд и презрение перемешивались в душе, и, поддавшись им, девушка незаметно прокралась к высокой, украшенной узорами, двери, ведущий в какую-то комнату. Поспешно перекрестившись, дочь графа отодвинула маленький, легкий засов, оказавшись в темном, замкнутом помещении без выхода. Но смех и странный шелест продолжал слышаться, он, словно ползучие змеи, проникал через какой-то потайной ход. Джоанна окинула комнату взглядом и остановилась на железном, темном рычаге. Повернув его дрожащими руками, молодая

женщина наблюдала, как та самая потайная дверь медленно раздвигается. Джоанна вскрикнула, увидев какие-то ветви, обвитые обыкновенной листвой, присыпанной снегом. Вдруг подул пронзительный ветер, воздух вмиг поменялся. Лишь спустя несколько мгновений леди Плантагенет поняла, что открыла вход в сад, потайной сад, о котором говорила служанка...

Вжавшись в стену, чтобы не привлекать внимания, девушка покрасневшими, налитыми слезами и страхом, глазами наблюдала, как на огромном ложе в центре возлежат двое...любовников. Они сливались воедино, кричали, стонали, целовались, отдавались безграничной страсти. Девушка с ужасом узнала в любовнице королеву. Обнаженная женщина без капли стыда отдавалась неизвестному, чье лицо тщательно скрывала бархатная, черная маска. А в нескольких шагах стояли две женщины, державшие над любовниками алое покрывало, присыпанное пеплом и тлевшее по краям. Джоанна вскрикнула и зажала рот ладонью, поняв, что одна дама — ее мать, а другая — сестра Маргарет! Хватая губами воздух, девушка еще несколько минут сидела на полу, всматриваясь в ужасную картину. Наконец бесстыдники поднялись с ложа, и совершенно нагие, прошествовали к женщинам, которые, положив ткань, взяли два факела и поднесли их к

головам Филиппы и незнакомца: — Да благословит вашу близость Звезда, что взирает с неба, да подарит она вам огненную страсть, в которой вы будете гореть и в один прекрасный день сгорите, став пеплом, что возляжет к трону Пламенного Инквизитора! Во имя Созвездия! — вскрикнула леди Уэйк, и присев в реверансе вместе со своей старшей дочерью, быстро покинула сад, скрывшись за еще какой-то потайной дверью.

Оглушенная страхом, Джоанна вмиг поднялась и принялась бежать, чувствуя, как сердце буквально выскакивает, разрывая кожу под левой грудью. Девушка мчалась по коридорам до тех пор, пока не осознала, что уже находится в своих покоях. Скинув халат и запрыгнув в ледяную постель, молодая женщина натянула до подбородка покрывало, лихорадочно созерцая двери, которые, как ей казалось, сейчас откроются, впуская инквизитора, бросившего ее в беспощадное пламя костра.

Весь остаток ночи леди Плантагенет судорожно обдумывала услышанное и увиденное зрелище, вновь вспоминала, как королева отдавалась другому... Сейчас Джоанне хотелось просто обо всем забыть, вновь вернуться в тот отрезок ночи, не открывать таинственную дверь, хотелось остаться в неведении. До рассвета дочь графа заставляла себя просто забыть, уснуть, а,

проснувшись, жить так, как жила до этого дня. Но сердце не успокаивалось, его бешеные удары отдавались в висках, заставляя их лихорадочно пульсировать. Внезапно Джоанна поняла, что, сама того не желая, вошла в другую жизнь, наполненную опасностями и загадками.

Глава 3

Англия, Солсбери, монастырь Святой Пеги Мерсийской.

Кристин поднесла к посиневшим губам холодные, словно лед, руки, всматриваясь в пасмурное, затянутое белоснежными тучами, небо. Холод пробирал до костей, скользил по коже, впитывался вовнутрь. Но послушница постепенно привыкала к пустому желудку и синему, замерзшему телу. Юная девушка каждый день слышала всхлипы умирающих, надрывный кашель больных, стоны наказанных, но ничего не могла сделать. Эта обитель, когда-то являющаяся эталоном невинности и чистоты, быстро превращалась в заброшенный, захолустный монастырь, чьи жители сотнями отдают Богу души из-за голода, болезней и мороза. Когда-то богатые, уважаемые аристократы сюда отдавали своих

дочерей, желая сделать из них покорных, воспитанных леди, но теперь даже не один крестьянин не пожелает своему ребенку жизни в этой ледяной дыре. Остались лишь бедные, бездомные сироты... Девушка усмехнулась собственным мыслям. Она — Кристин-Мария, никому ненужное, брошенное дитя, которому суждено сгнить в этих серых стенах. Девушка не знала, кто ее родители, живы ли они, или нет. Настоятельница лишь твердила, что однажды холодным, весенним днем, четырнадцать лет назад, нашла на пороге обители кроху, замотанную в дешевую, рваную ткань. Рядом не было ни листка с именем, ни денег, ни вещей. Все считали, что ребенка оставила какая-то крестьянка, забеременевшая вне брака. Средняя ростом, худая, не имеющая никаких женских форм, с лицом, что вызывало лишь презрение, Кристин знала, что ничего хорошего ее в жизни не ждет. Многие осмеивали внешность юной послушницы, даже сестры в соседних кельях открыто унижали безродную девчонку. В монастыре запрещались зеркала, и Кристин этому от души радовалась. Однажды, в один теплый, летний день, когда девушкам разрешили выйти за пределы обители и помыться в реке, англичанка увидела свое отражение в воде и просто обессиленно застонала. Перед ней стояла женщина с телом ребенка, с

плоской грудью, узкими, костлявыми бедрами, с выпирающими ключицами. А лицо... Кристин-Мария до сих пор помнила впалые щеки, которые почти закрывал длинный, широкий нос, а губы, словно невыразительные нитки, не сильно выделялись на фоне бледной кожи. Единственным достоинством послушницы служили роскошные, белокурые кудри, доходившие до талии, но, по монастырским правилам, девушка связывала их в пучок и тщательно прятала под темным чепцом.

Погруженная в свои мысли, Кристин вздрогнула, услышав тихий голос за спиной. На пороге, сжавшись от ледяного ветра, стояла двадцатичетырехлетняя монахиня, любимая помощника настоятельницы.

— Сестра, тебя желает видеть матушка.

— Как она? Что лекари говорят? — озабоченно спросила Мария, вспоминая добрую и всегда справедливую Джинет де Тиссандье, женщину, вложившую в монастырь всю свою душу. Настоятельнице еще не перевалило за пятьдесят, она всегда славилась крепким здоровьем, холод и голод не ломали ее, но неделю назад несчастная внезапно слегла, мучаясь ужасными симптомами. Увы, в это зимнее время в Солсбери осталась лишь десятка опытных врачей, и все они разводили руками, осматривая больную. Никто не знал причину, но недуг буквально уничтожал свою

жертву изнутри.

— К сожалению, изменений в лучшую сторону нет. Сегодня ночью настоятельница жаловалась на боль около груди, а к утру изо рта немного сочилась бледно-алая жидкость. Мы молимся день и ночь за нашу матушку, не выходим из часовни, но, видно, Господь решил призвать ее к себе.

Похлопав монахиню по плечу, Кристина ободряюще улыбнулась: — Не печалься, сестра Иоанна, аббатиса всегда хотела побыстрее отойти к Христу. Смерть ее не страшит. Возможно, у изголовья нашей госпожи уже летают ангелы, и в подходящий час они заберут ее душу в рай, потом отнесут к Подножию Святого Трона.

— Аминь, аминь... Иди уже, не заставляй матушку ждать, — стуча грубыми, деревянными подошвами по мраморным плитам, Кристина миновала две ледяные галереи, и, постучав, наконец, зашла в личные покои больной. Это было единственным местом в монастыре, где пылал очаг, а воздух искрился теплотой и уютom. Поклонившись, девушка уловила на себе измученный взгляд Джинет:

— Садись, дитя мое, садись возле камина, ты совсем замерзла, — опустившись на табурет, послушница покорно сложила руки на коленях:

— Вы хотели меня видеть, матушка?

— Да, но прежде, чем начать разговор, немного подкрепись, совсем исхудала, — бросив мимолетный взгляд на блюде, наполненное сочными деликатесами, послушница лишь покачала головой:

— Простите, но я не смею... Это ваше.

— Оставь глупую гордость. Ешь, — обессилено, но уверено прошептала Джинет, с улыбкой наблюдая, как Кристин впиалась зубами в румяный пирожок.

— С вашего позволения, я возьму еще несколько для сестер. Они также голодают.

— У тебя всегда было доброе сердце, девочка. Прости, что я заставляю всех вас мучиться от этих варварских условий, а сама сыта и нахожусь в тепле, — бледная руку настоятельницы впиалась в холодную ладонь девушки: — Вы не заслуживаете такой жизни.

— Нет, матушка, не вините себя, ибо мы можем лишь благодарить вас за то, что вы открыли наши души для Господа. Да, пускай мы мерзнем и доедаем последние остатки пшеничной каши, мы счастливы, что можем служить Христу. Все ведь так было хорошо... Почему Всевышнему угодно призвать вас к себе? Что за болезнь вас сразила? — вымученная, блеклая улыбка скользнула по сухим губам мадам де Тиссандье, а в глазах внезапно блеснули слезы:

— Нет, это не болезнь, — дрожащая рука женщины потянулась к маленькой шкатулочке, на дне которой лежал флакон с темной, почти черной жидкостью: — Это яд... Тот самый, которым меня отравили неделю назад, — тихо вскрикнув, Кристин вмиг зажала ладонью рот, с непониманием и страхом поглядывая на Джинет:

— Нет, матушка, это не может быть правдой. Вы просто устали, поспите, и тогда ясный разум вернется к вам, — послушница поднялась и направилась к двери, но настоятельница уверенно схватила ее за руку, принуждая сесть.

— Ты думаешь, что я старуха, лишившаяся трезвого ума? — с насмешкой проговорила аббатиса, и, приподнявшись на локтях, внимательно посмотрела в серые глаза девушки: — Ты должна мне поверить, Кристин, ибо это — правда, и если ты ее не примешь, то...плата будет слишком высока. Этот яд опасен, но, чтобы сразу уничтожить жертву, нужно вылить весь флакон. Мне же дали лишь трое смертельных капель, что медленно разъедают меня изнутри, — слова монахини прервал надрывный, глубокий кашель, а по губам заструилась тоненькая струйка пенистой крови: — Я чувствую, время пришло... Смерть уже ходит в этой комнате, стоит, ждет... Но, прежде чем отправиться в последний путь, я хочу, дабы ты кое-что сделала, — Джинет, улыбнувшись, положила

в руку девушки флакон: — Возьми его, и пусть он всегда будет с тобой. Я знаю, ты не способна причинить кому-то вред, но, может быть, настанет время, когда нужно бороться за свою жизнь. Этот яд попадет либо к врагам, либо к тебе. Когда ты поймешь, что выхода нет, пей, пей его до дна, и на последних секундах молись, чтобы Христос простил твои грехи. Кристин, тебя ожидает опасная жизнь, залитая кровью и слезами, но я верю, что ты выстоишь. Вот, это также возьми и поклянись, что прочитаешь это после моей смерти, — Мария, вздрагивая, сжала в ладони свернутое письмо, и продолжала непонимающе смотреть на аббатису. Внезапно женщина захрипела и бессильно опустилась на подушки, тихо стоная от боли: — Я знаю...как вам тяжело, и будет еще хуже после моей смерти. Новая...настоятельница имеет право вступить в должность только по истечению сорока дней после смерти предыдущей, все это время о монастыре заботится аббат. Но, Кристин, пообещай, что даже если вы будете умирать от голода и холода, не обратитесь к Севастиану Морэю. Он не должен знать о моей кончине, пока под покровительство обитель не возьмет другая. Этот человек очень опасен, девочка моя, — открыв рот в беззвучном крике, женщина, схватив послушницу за руку, сдавленно прошептала: — У меня есть тайна..., тайна твоего рождения, о

которой больше никто не знает... Если я не открою ее сейчас, то унесу в могилу, а я этого не хочу. Кристин, на самом деле ты не безродная сирота, у тебя есть мать, богатая, уважаемая леди. Четырнадцать лет назад тебя не оставили у порога монастыря, как ненужную вещь. Я солгала, и Господь покарает меня за это... Кристин-Мария, та женщина не просто отдала тебя мне, но и обеспечила деньгами и пропитанием на достаточно долгий срок. Я приняла четыре мешочка золотых монет, две шкатулки с редкими украшениями, но, вместо того, чтобы вложить все это в твое воспитание, я отдала в общий фонд монастыря, а ты росла, как обыкновенная, осиротевшая послушница. Обитель уже идет на дно, ты должна вовремя покинуть его, — Джинет вновь закашлялась, но на этот раз по подбородку женщины текла алая, густая кровь: — Ты принадлежишь к роду... — оглушающий хрип вырвался из груди несчастной, а ледяная, влажная рука замерла в ладони Кристин. Девушка знала: это конец, и нового начала не будет. Настоятельница покинула этот свет, забрав с собой и роковую тайну, что могла изменить жизнь послушницы.

Горло девушки сдавил спазм, до дрожи захотелось зарыдать, уткнувшись в грудь покойной, женщины, что создала из развалин монастырь, переживший при ней свои лучшие годы. Кристин

незаметно смахнула с глаз слезы, и, опустившись на колени, стала проникновенно молиться перед серебряным, тяжелым распятием. Ее постоянно учили, что лишь глупцы противятся воли Господа, лишь они оплакивают усопших, будто от этого они воскреснут. Настоящие христиане постоянно молятся, умоляют Бога принять души ушедших в рай. Молитва — это единственная вещь, в которой стоит искать утешения, только она способна вернуть на круги своя заблудшие сердца и недостойные мысли.

«Всевышний, прими душу рабы своей в рай да прости все грехи, совершенные ею. Аминь», — перекрестившись и припав горячим губами к распятию, девушка еще несколько минут просто молчала, воскрешая в своей памяти моменты из беззаботного детства. Кристин не могла вырвать из своего сердце картины счастья, спокойствия, умиротворенности. Джинет научила ее латыни, основам Библии, помогла сделать первые шаги навстречу Господу, вложила в душу любовь ко всему христианскому. Мария тихо застонала, вспомнив, как зимними вечерами настоятельница звала ее к себе и, посадив на колени, читала строки из своего молитвенника, потом рассказывала истории из жизни Иисуса Христа. Девочка все впитывала в себя, достойно выстаивала долгие службы, молилась и постилась наравне с

взрослыми. Казалось, это было так недавно, что стоит лишь протянуть руку, и счастье вновь ляжет на ладонь. Буквально два года назад монахини не умирали от недостатка лекарств, не мучились от голода, не засыпали навсегда, убаюканные пронзительным холодом. Кристин не знала, почему их обитель разорилась, потеряв все содержимое казны, не понимала бездействия со стороны епископа. Разве не его обязанность содержать созданный монастырь, разве не он должен заботиться о нужном количестве тепла и пищи?

Отогнав от себя бесполезные мысли, девушка поднялась с колен и вышла из покоев, вздрогнув от сквозняков, что гуляли по коридору. На пороге, укутавшись в шаль, послушницу ожидала сестра Элиза, готовившаяся принять постриг через несколько месяцев. Увидев на лице девушки клеймо страха и траура, Кристин поняла, что случилась еще одна непоправимая беда, но пока решила повременить с вопросами: — Время пришло...

— Матушка?... — глухой, надрывный голос Элизы вернул послушницу в суровую, ледяную реальность. Внезапно девушка поняла всю критичность ситуации, в которой они оказались. Лишенные покровительства настоятельницы и аббата, сестры представляли собой лучшую мишень для болезней и беспощадной зимы.

Подойдя ближе к послушнице, Кристин опустила ладонь на серебряный, легкий крестик, висевший на шее: — Господь призвал к себе нашу покровительницу и госпожу. Она покинула этот мир, но там, в раю, ей будет лучше, — карие, огромные глаза девушки налились пронзительными слезами, что в следующее мгновение потекли по побледневшим щекам. Элиза неподвижно стояла, всматриваясь в дверь комнаты, где лежала покойная. Шестнадцатилетняя послушница питала к аббатисе нежную любовь, особенную привязанность, а в ее отсутствие чувствовала себя одинокой и разбитой. Но теперь эта заботливая и всегда справедливая женщина покинула этот мир навеки, никто больше не узрит ее стана, скрытого под черным сукном, стены монастыря не услышат громкий голос приказаний, а алтарь больше не впитает тихие молитвы. Несмотря на всю силу духа, после смерти любого человека в душе остается какой-то приглушенный со временем привкус, понимание того, что все когда-то кончается, и каждое сердце в отведенный час прекратит свой ход.

— Матушка не единственная, кто покинул нас сегодня, — бесцветно прошептала Элиза: — Полчаса назад сестра-ризничая ¹² поскользнулась

¹² *Сестра-ризничая* — женщина в монастыре, следившая

в бане и ударилась виском об угол лавки... Лекарка ничего не смогла сделать, несчастная умерла на месте, — Кристин, прижав похолодевшие ладони к груди, устало покачала головой:

— Что же эта за напасть такая? За какие грехи нас наказывает Господь? Мы остались без настоятельницы и ризничии, а вокруг лишь голод, холод, болезни и смерть.

— Нужны деньги, чтобы достойно похоронить женщин, а в казне почти ничего не осталось. Если мы потратим последние фунты...

— Нет! — резко оборвала Кристин, вперив в послушницу гневный взгляд: — Эти женщины сделали слишком много для обители, и мы не имеем права плохо проводить их в последний путь. Похороны состоятся достойно, даже если после этого мы умрем с голоду, — Элиза тихо вздохнула, прекрасно понимая, что юная послушница права. Для христианина прощальное шествие и заупокойная месса очень важны, а особенно когда это касается людей, посвятивших свои жизни служению Господу.

Хрупкую тишину нарушил звонкий голос сестры Элизы: — Я знаю, что подобные разговоры греховны в сей день, да простит мне Всевышний

столь высокую дерзость, но я обязана кое-что тебе сказать, — в глазах послушницы промелькнул озорной огонек, а в словах послышалась радость: — Мне удалось узнать, что сегодня в Солсбери приезжает Томас Холланд, — в очах Кристин вспыхнуло мимолетное пламя, но через миг оно потухло:

— Томас Холланд? Кто это? Не припомню такого монаха, — отмахнулась девушка, зашагав вниз по лестнице.

— Это не монах, а тот уважаемый лорд из Ланкашира ¹³, с которым вы мило беседовали несколько лет назад, — кокетничая, произнесла послушница, открыв двери своей кельи и пропустив подругу вовнутрь: — Мне казалось, что ты до сих пор не забыла о нем, но сейчас смотрю на тебя и невольно убеждаюсь в обратном.

— Прекрати, Элиза. Я уже давно не вспоминала того старика, и не собираюсь этого делать. Мне все равно, что он прибыл в Солсбери, — пожала плечами девушка, смотря на едва тлеющий огонек в почти развалившемся очаге.

— Старика? Господи, Кристин, ему сейчас наверно около тридцати, но не шестьдесят же!

¹³ *Ланкашир* — графство в Северо-Западной Англии, на берегу Ирландского моря.

Девушки твоего возраста выходят замуж за пятидесятилетних и молчат, считая это подарком доли. А Томас хорош собой, умен, не беден, приближен к самому королю!

— Чего ты от меня хочешь? — гневно вскрикнула Мария, отбросив кочергу и задумчиво закрыв глаза: — Прошло долгие четыре года со дня нашей последней встречи. Поверь, между нами и тогда ничего не было и не могло быть вообще. Я — десятилетний ребенок, заблудший в наших монастырских владениях, а Томас просто человек, спасший меня. В тот день он привел меня обратно в обитель, но перед этим мы долго разговаривали. Пойми, Элиза, он мог воспринять меня, лишь как наивную, любознательную малышку, не более. Я сидела подле него и с удивлением слушала рассказы о храбрых рыцарях и прекрасных принцессах, задавала вопросы, смеялась... Вернуть бы то время, — печально вздохнула послушница, воскрешая в своей памяти невинные моменты простого счастья.

— Зачем тебе грустить о прошлом, если есть возможность отлично изменить будущее? Томас вновь здесь, и, по слухам, он остановится в особняке, неподалеку отсюда. Ты можешь просто прийти к нему, и, поверь мне, ваши невинные беседы вновь возобновятся с новой силой, а твои глаза опять засияют радостным блеском.

— Прекрати! — воскликнула девушка, гневно вскочив с табурета: — Не подстрекай меня к совершению греха! Монахине запрещено покидать пределы монастыря, а особенно во время траура! Я не нарушу ради никчемного старика законы обители! — пронзив послушницу злобным взглядом, Кристин поспешно покинула келью.

Мария, наглухо заперев двери своей крохотной комнаточки, опустилась на твердую, низкую лежанку, достав из потайного кармана платья сложенное письмо и флакон с ядом. Поставив бутылочку на пол, послушница еще долго неподвижно сидела, всматриваясь на сложенный лист, не решаясь его открыть и прочитать. Девушка внезапно почувствовала полное равнодушие перед этими строками, больше того, Кристин не хотела другой жизни, что протекала за стенами монастыря. Она, как оказалось, не бедная сирота, а дочь какой-то уважаемой леди, но что значат богатства и почет, если человек никогда их не видел и не испытывал?

Мысленно попросив прощение у покойной Джинет де Тиссандье, послушница поднесла письмо к маленькой свече, бросавшей озорные тени на окна, завешанные темной тканью. Кристин спокойно наблюдала, как крохотное пламя поглощает несказанные слова, а обгоревшие обрывки, ставшие пеплом, падают на медное

блюдце. Девушке казалось, что ее прошлое и будущее слились в один комок и сейчас горят в беспощадном огне. Сердце неприятно ныло, на глаза наворачивались слезы, но юная послушница постоянно твердила, что хочет посвятить свою жизнь служению Господу, принять постриг после шестнадцатилетняя, делать благие дела, помогать нуждающимся. Девушка не знала, были ли эти желания искренними, но покойная настоятельница постоянно твердила, что только о такой судьбе может мечтать покорная и смиренная послушница.

Внезапно Кристин услышала в себе голос той юной девушки, желавшей веселья, радости, счастья... Англичанка знала, что монахиня запрещено думать о любви и детях, вся ее жизнь — это монастырь. Принимая постриг, жительницы обители навсегда убивали в себе женщину, становясь невестой Господа, которая даже в молодости обязана думать о своей загробной жизни. Мария внезапно поняла, что не готова отречься от всего, чего не имела. Да, у нее не было родителей, друзей, влюбленных юношей, но всегда была надежда на будущее. И вот девушка ее сама спалила. Томас, Томас Холланд..., этот высокий, темноволосый мужчина с пронзительными глазами и добрым сердцем, единственный человек, разглядевший еще в маленькой девочке, прежде всего, живое существо с душой и сердцем, а не

тихую послушницу... Кристин пыталась утихомирить бьющееся сердце и кровь, что бурлила в жилах, подобно огненной лаве. Вдруг девушка поняла, что хочет вновь увидеть этого лорда, поговорить, посмеяться. Но это лишь мечты, а Мария много о чем безрезультатно мечтала.

Глава 4

Джоанна, все еще находясь под неблагоприятным действием увиденного, пришпорила свою кобылу, подставляя покрасневшее лицо свежему, морозному воздуху. Лошадь грузла в сугробах, тяжело дышала, но покорно корилась своей хозяйке, которая, словно на крыльях, мчалась в уединенное место. Ветер мгновенно высушивал выступившие слезы, разметал кудри, выбившиеся из-под чепца, омывал щеки девушки своим холодом, но это чувство полной свободы, немного диалога с природой позволяло Джоанне немного прийти в себя. После бессонной ночи, наполненной страхом, леди Плантагенет чувствовала себя разбитой и подавленной.

Внезапно англичанка резко замедлила лошадь, вслушиваясь в отдаленные, но приближающиеся звуки. Неприятно треснула ветвь, а между деревьев, покрытых снегом, промелькнула чья-то тень.

Джоанна, сглотнув от страха, обернулась, бросив взгляд на пустынные дороги, где лишь изредка появлялись крестьяне. Если это разбойник... Девушка, тяжело дыша, опустила влажную ладонь на рукоять тонкого кинжала, понимая, что это ее единственное оружие. Белоснежный снег, устилающий увядшую траву, заглушал топот копыт, но Джоанна все равно знала, что незнакомец где-то рядом. Внезапно тихие звуки превратились в оглушающий треск, и, ничего не поняв, девушка почувствовала, как что-то твердое толкнуло ее, и, не удержавшись, леди вылетела из седла, расцарапав до крови лицо. Погрязшая в снегу, с чепцом, что болтыхался где-то на затылке и с разорванным плащом, девушка еще сильнее чувствовала себя беспомощной жертвой. Джоанна бросилась за кинжалом, но какой-то мужчина, спешившись, учтиво поклонился:

— Простите, миледи, я не заметил вас, и мой конь вылетел на дорогу, — лорд бросился к девушке, желая помочь ей встать, но дочь графа лишь отдернула руку:

— Не трогайте меня, — зеленые, словно у кошки, глаза, сверкавшие недобрым блеском, заставили молодого человека отойти на несколько шагов:

— Я лишь хотел помочь... Вы не ушиблись? О Господи, миледи, у вас по щекам течет кровь! —

с трудом поднявшись, Джоанна быстро вытерла алые кали перчаткой, и, хромя, почти вплотную подошла к этому милому «недоброжелателю».

— Что вы так на меня смотрите?! — резко вскрикнула леди Плантагенет, буквально чувствуя, как восторженный взгляд незнакомца скользит по ее коже: — Вы испортили мой туалет! — отряхивая прилипшие куски грязи, девушка заметила, как губы мужчины растянулись в улыбке:

— Даже так вы прекрасней самого цветка, — отойдя на несколько шагов, молодой человек вновь склонился в поклоне: — Прощу прощения, что забыл представиться: к вашим высочайшим услугам, Томас Холланд, сын мелкопоместного лорда. Увы, я не имею никаких титулов и званий, но моя особа приближена к самому монарху, пусть Христос дарует ему долгую и счастливую жизнь, — безусловно, этот англичанин умел похвастаться, и имел далеко не простой характер.

Язвительно усмехнувшись, Джоанна хотела ответить на эти дерзкие слова, ведь она — кузина самого короля, и какой-то простолюдин выхваляется перед ней, словно принц королевских кровей. Но внезапно девушка осеклась. Ей хотелось проиграть с этим Томасом, ввести его в заблуждение: — Для меня честь видеться с самим приближенным его величества, — покорно и тихо произнесла дочь графа, присев в глубоком

реверансе.

— Но кто вы, прекрасная незнакомка? Судя по вашему одеянию, вы тоже не бедны и имеет хорошее положение при дворе.

— О, что вы, милорд, с вашим обаянием и роскошью я не смею соревноваться, — льстиво заметила девушка, и, подойдя ближе, положила свою маленькую ладонь на сильное плечо Холланда: — Еще никогда мне не доводилось встречать людей самого повелителя. Я удивлена и растеряна.

— Но, все-таки, кто вы?

— Я не англичанка, и только несколько недель проживаю в этой стране. Моя родина — Сан-Поло ¹⁴, там я родилась и провела лучшие юные года своей жизни. Мой отец — обыкновенный торговец тканями, и после неудачной торговли в Турции, он приехал сюда, надеясь на лучшую жизнь. А, что до этого плаща, то это подарок одной богатой леди, покупавшей у папы бархат для своих нарядов. На самом деле, мы живем небогато, едва хватает на содержание комнаты в одном постоялом особняке, — девушка с горечью заметила, как лицо Томаса побледнело, а

¹⁴ *Сан-Поло* — один из шести исторических районов Венеции.

брови недовольно сошлись на переносице. Безусловно, та венецианка, воскресшая из слов Джоанны — не ровня для человека, одержавшего ряд побед в великой Столетней войне ¹⁵, развязанной Эдуардом.

— Вы не похожи на простолюдинку, — задумчиво заметил Томас, но, увидев невинный взгляд своей собеседницы, ехидно добавил: — Видно, роскошные наряды способны скрыть бедное и ничтожное происхождение, — почувствовав, как обида медленно заскользила по сердцу, а багряный румянец покрыл щеки, Джоанна медленно произнесла:

— Возможно, в моем случае этот туалет красит меня, и скрывает жалкое происхождение, но вот вы, уважаемый мистер, даже в этом богатом одеянии выглядите, как обыкновенный мелкопоместный лорд. Наверно, умение скрывать недостойные корни дается лишь немногим. С вашего позволения, — усмехнувшись, леди

¹⁵ *Столетняя война (1337–1453)* — серия вооруженных конфликтов между Англией и Францией, также были замешаны их союзники. Поводом до войны стали притязания английского короля *Эдуарда III* на французский престол, поскольку его мать — королева *Изабелла Французская* — являлась членом правящей династии *Капетингов*. А Франция, в свою очередь, пыталась выгнать *Плангагенетов* из Гиени.

Плантагенет проследовала к лошади, и, запрыгнув в седло, собралась уезжать. Резко натянув поводья от следующих слов Томаса, девушка обернулась, и, нахмурившись, произнесла, делая вид, что не расслышала слов этого грубияна: — Господь свидетель, что мне послышалось...

— Нет, мисс, не послышалось, и я не шучу. Я всерьез спросил: могу ли я сорвать с ваших губ поцелуй? Ведь, как мне известно, простолюдинки не сильно пекутся о своей чести, — оскорбленная и униженная, дочь графа, наклонившись через могучую шею лошади, несколько мгновений просто смотрела в глаза негодяю, но потом с криком оставила на его щеке следы своих пальцев. Пошатнувшись от внезапной пощечины, Холланд, расширив глаза от удивления, едва выдавил из себя: — Да как вы смеете?!..

Не став слушать следующих речей англичанина, Джоанна пришпорила кобылу и во весь голов поскакала по опустевшей дороге.

* * *

Эдуард задумчиво замер, не отводя взгляда от карты, разложенной перед ним. Он — справедливый и милостивый король Англии, спасший страну от тирании подлого Мортимера, повешенного в 1330 году, тогда же, когда

пролилась кровь и невинного Эдмунда Вудстока. Монарху было неприятно понимать, что во Франции его считают лишь незаконным узурпатором, предъявившим претензии на великий французский престол, сейчас принадлежавший Филиппу VI ¹⁶. Король, безусловно, имел огромные права на соседние государства из-за происхождения матери, но салический закон, запрещавший женщинам брать власть в свои руки, либо передавать ее по наследству, все перечеркивал. Также немалую роль играл тот факт, что сейчас Изабелла не имела особого влияния при дворе сына, а о месте в политических делах вообще все забыли. Французский король считал, что женщина, потерявшая власть даже в Англии, не может претендовать на престол в другой стране. Разумеется, порой Эдуард и сожалел, что очернил мать и вывел на всеобщий показ ее позорную связь с покойным Роджером Мортимером. Увы, сама

¹⁶ *Филипп VI (1292, Франция — 22 августа 1350, Ножен-ле-Руа)* — король Франции из династии *Валуа* (ветвь дома *Капетингов*) с 1328 года, сын *Карла, графа Валуа* и *Маргариты Анжу-Сицилийской*, внук короля *Филиппа III Смелого*. Из-за его неудач в *Столетней войне* Франция лишилась Кале, а англичане разгромили войска врагов в *битве при Кресси*. Сама же страна сильно разорилась, многие города были уничтожены беспощадными пожарами.

королева просто молчала, понимая, что ее хрупкий ягненок превратился в свирепого хищника, и больше не подчиняется приказам.

Да, это война была очень неуместной, и шаткий мир, скрепленный между Плантагенетами и Капетингами ¹⁷, вновь рассыпался на мелкие куски. Покойные монархи соседних стран надеялись, что брак француженки Изабеллы и англичанина Эдуарда II ¹⁸ поможет государствам найти общий язык, но, увы, никто не ожидал, что хрупкая женщина свергнет мужа-короля и будет на протяжении несколько лет единолично править Англией, а потом сын ее же лишит власти, претендуя на совершенно недозволенные вещи.

Теперь же отступить было некуда, да и незачем. Англия благодаря своим аристократам добивалась огромного успеха, и, если так пойдет и

¹⁷ *Капетинги* — происходящая из рода *Робертинов* династия французских королей, представители которой правили с 987 по 1328 год, а по боковым линиям — до 1848 года.

¹⁸ *Эдуард II* — (называемый также *Эдуард Карнарвонский*, по месту его рождения в Уэльсе; 25 апреля 1284 — 21 сентября 1327) — английский король (с 1307 до своего низложения в январе 1327) из династии *Плантагенетов*, сын *Эдуарда I*.

дальше, вскоре вся Франция падет к ногам смелого Эдуарда, а никчемный и трусливый Филипп лишится головы. Король не хотел уничтожить род Валуа ¹⁹, его желанием было править им, присоединив до славных Плантагенетов.

Голос Хью де Куртене ²⁰ вырвал монарха из раздумий: — Ваше величество, мне кажется, что Филипп не собирается сдаваться. Его желание победить вас и ваши войска так велико, что он в спешке стал совершать ряд очень опасных ошибок. Мне кажется, что нам пора немного отступить, при этом французский король будет действовать далее, навлекая на себя немилость Папы. В результате, его святейшество разгневется на своего раба и лишит короны.

Усмехнувшись, король перевел взгляд с карты на графа, остановив на нем свои пронзительные

¹⁹ *Валуа* — династия королей Франции, ветвь дома *Капетингов*.

²⁰ *Хью де Куртене* (12 июля 1303 — 2 мая 1377) — английский аристократ, *10 граф Девон*, *2-й барон Куртене*, сын *Хью де Куртене*, *9-го барона Девона* и его супруги *Изабеллы де Сент-Джон*. Был приближен к королю *Эдуарду III*, одерживал победы в *Столетней войне*, в 1373 году монарх назначил его главным смотрителем королевского леса в Девоне.

глаза: — Вы пугаете меня, дорогой друг, такими глупыми рассуждениями. Так может поступить лишь женщина, ожидая от своей соперницы промаха перед государями. Мы же — короли, но, прежде всего, воины, и обязаны бороться за место под Солнцем. Я уважаю Филиппа, как своего врага, но не считаю королем Франции. К тому же, я не уверен, что Климент VI ²¹ на нашей стороне. Его единственным желанием является помирить двух сыновей Церкви и восстановить мир в Европе. Безусловно, он, как повелитель христианского мира, имеет на это полное право, но дело в том, что ни я, ни Филипп, не согласимся на мирный договор. Друзья мои, я хочу отбросить возможность перемирия, и приступить к дальнейшим действиям. Перед нами — карта Франции, и некоторые территории уже подвластны англичанам, но мы должны продвигаться далее, и, если позволит Господь, славные войска Англии подойдут вплотную к резиденции трусливого Филиппа. Мне кажется, нужно идти на Реймс, ибо там состоялась коронация «повелителя». Захватив этот город, мы

²¹ *Климент VI (в миру — Пьер Роже де Бофор-Тюренн, 1291 — 6 декабря 1352) — 198-й папа римский с 7 мая 1342 по 6 декабря 1352. Четвертый Папа Авиньонского пленения, преемник Бенедикта XII.*

покажем, что корона Филиппа уже разламывается на мелкие куски.

— Милорд, — Ричард Фицалан, 10-й граф Арундел ²², сделал несколько шагов к королю, и, склонившись над столом, провел указкой по карте: — Для нас сейчас очень важен север Франции, а особенно, Бретань. Пока она разрывается между Жанной де Пентьевр ²³ и Жаном де Монфор ²⁴, мы должны оторвать свой лакомый кусочек. Это герцогство очень важное для Франции, и если мы захватим его, то станем победителями.

²² *Ричард Фицалан (ок. 1313 — 24 января 1376) — 10-й граф Арундел с 1331 года, 8-й граф Суррей с 1361 года, главный дворецкий Англии, сын Эдмунда Фицалана, 9-го графа Арундела, и Элис де Варенн.*

²³ *Жанна де Пентьевр (1324 — 10 сентября 1384) — титулярная герцогиня Бретани с 1341 года. Дама де Майен, д'Эглет, де Шатлодран, графиня Пентьевр и Голло, виконтесса Лиможа, супруга герцога Бретонского Карла де Блуа.*

²⁴ *Жан IV де Монфор (1295 — 16/26 сентября 1345) — граф де Монфор-Амори (под именем Жан II) с 1330 года, герцог Бретонский с 1341 года и граф Ричмонд в 1341–1342 годах из дома де Дре. Участник второстепенной войны за Бретонское наследство, в котором его поддерживал Эдуард III.*

— Не забывайте, граф, что я согласился помогать Жану де Монфору, ибо его притязания на Бретань более полезны для Англии. Мы договорились, что в случае его победы я также не останусь в стороне. Проблема лишь в том, чтобы нам не помешал Папа, либо сам Филипп. Если они узнают о задумках Жана, то, сперва, признают его врагом французским и вышлют из страны, лишив всех почестей, а потом еще и отстранят от Церкви. Поэтому нужно быть осторожными.

— Милорд, в таком случае, нам следует продвинуться к Кале. Это не просто превосходный порт для иноземных кораблей и торговли, он, к тому же, послужит для вашего величества нужным участком территории, — продолжал Ричард, видя, как лицо короля осветляет улыбка, а в глазах появляются радостные искры, отсутствующие так долго.

— Хорошо. Граф, приготовьте для меня бумаги с географическими и природными данными об этом городе. Я хочу знать каждый бугорок, каждую вершину и ручей Кале, только тогда славное английское войско победит, — Эдуард быстро поднялся с высокого кресла, обвитого золотыми декоративными узорами, его примеру последовали и аристократы: — Друзья мои, на сегодня совет окончен. Когда я хорошо изучу идею мистера Ричарда, вы будете оповещены, и,

соответственно, начнется подготовка к походу, — его величество быстрым шагом вышел из зала, жестом приказав Фицалану следовать за ним. Между мужчинами давно теплилась дружба, и теперь эти узы закреплялись, вызывая недовольства остальных приближенных. Бывший фаворит короля — Томас Холланд, окончательно потерял доверие монарха, выехав без его позволения из Виндзора, а потом еще и грубо ответив на расспросы. Теперь же люди из высшего света теряли разум от досады, понимая, что Фицалан, будучи когда-то скромным, зажатым юношей, с каждым шагом все ближе к августейшему сеньору.

Приказав слуге подать вино и сладости, Эдуард опустился на диван в центре своих роскошных покоев, попросив подданного последовать его примеру:

— Ричард, в чем дело? Ты на совете был сам не свой. Тебя что-то тревожит?

Мужчина запнулся, встретившись с внимательным взглядом своего сюзерена. Щекотливая тема, долго скрывающаяся на устах англичанина, теперь воскрешала в этих комнатах: — Ваше величество, есть кое-что, о чем я давно хотел с вами поговорить. Понимаете, это слишком откровенная проблема, недостойная ваших ушей. Но если позволите...

— Говори, — коротко приказал Эдуард,

наблюдая, как Ричард извлекает из плаща свернутый лис бумаги: — Что это? — развернув письмо, король стал внимательно читать. На его внезапно побелевшем лице отразилось недоумение, удивление и гнев.

— Объясни, как это понимать? Внизу этих недостойных речей стоит подпись твоей супруги, — хрипло пролепетал король.

— Помилуйте, государь, но каждое прочитанное вами слово — чистая, хоть и ужасная, правда. Моя жена — Изабелла ле Диспенсер, уже долгое время изменяет мне с нортумберлендским священником. Это не утеха на одну ночь, их связь длится долгие годы. Мне удалось узнать, что даже до нашей женитьбы она любила этого негодяя. Когда я сражался за нашу английскую честь, истекал кровью в запыленных лагерях, просил Всевышнего даровать нам победу, она бесстыдно обнажалась перед ним. Эта дочь дьявола постоянно врала мне в глаза, клялась в любви, а на самом деле в ее гнилом сердце нет ничего, кроме лжи и грязной похоти, — со злобой выплеснув эти слова, Ричард вскочил с дивана и стал беспокойными шагами мерять королевские покои. Тяжело дыша от гнева, что не помещался в бунтующей душе, Фицалан, наконец, остановился напротив задумчивого монарха, и скрипучим, охрипшим голосом прошептал: — Я разведусь с ней, милорд. Эта

мерзавка...

— Прекрати! — резко вскрикнув, Эдуард жестом приказал своему подданному вновь опуститься на диван: — Я понимаю твою злость, Ричард, но это не дает тебе право так отзываться о женщине из рода Диспенсеров. Она не обыкновенная простолюдинка, которую можно выбросить на улицу, как ненужную вещь. Изначально ваш брак заключался из политических целей, и такие узы расторгнуть может лишь Папа. Даже я, король и повелитель Англии, не могу решать такие дела, а о самостоятельном разводе даже не думай. К тому же, ты знаешь, что измена мужу для женщины — худший из грехов, и за такое почти всегда карают смертью. Изабелла за все это время родила тебе уже троих прекрасных детей, всегда была учтива и покорна, никогда не напоминала тебе о своем высоком происхождении, не называлась дамой ле Диспенсер. Разве такая может лечь в постель к другому?

— Ваше величество, я тоже не верил написанному, думал, что это письмо создали недоброжелатели Изабеллы. Я сразу не предпринимал никаких категоричных мер, попытался все подробно узнать... Увы, мои поиски ни к чему хорошему не привели. Я расспросил каждую служанку жены, и каждая рассказала острую, словно лезвие ножа, горькую и кровавую

правду. В дни, когда я покидал замок, благодаря своим верным слугам Изабелла отправляла любовнику письмо, приказывая вновь явиться в частную комнату. Там это все и происходило. Для обвинения в супружеской измене нужно иметь свидетелей, но, увы, Изабелла оказалась далеко неглупой. Она поняла, что я все знаю, и... умертвила непокорных. Тела горничных нашли в разных углах поместья, а неподалеку — взбесившуюся собаку. Мне хочется верить, что это все неправда, и моя супруга — не убийца, но еще кое-что не дает покоя моей душе. Одна из личных камеристок Изабеллы рассказала такое, отчего кровь застывает в жилах: будто все дети, рожденные женой, не мои, а того священника, — судорожно сглотнув, Фицалан внезапно быстро поднялся и направился к двери: — Милорд, не заставляйте меня углубляться в страшные подробности. Прошу, расследуйте все сами, — поклонившись, Ричард буквально вылетел из комнаты шокированного короля.

Эдуард еще долго молчаливо сидел, всматриваясь в пространство. Мысль, что пришла ему в голову, безусловно, была спонтанной и необдуманной, но довольно неплохой. Ричард — уважаемый аристократ, владелец огромных земель, смиренный и умный раб Короны. Если Изабелла и вправду изменяет мистеру Фицалану, а дети не его,

то выход один — аннулирование брака. Король задумчиво взглянул на портрет кузины, украшающий колону. О красоте этой юной, цветущей девушки ходили легенды, все, даже сами принцы соседних государств мечтали повести Джоанну под венец. Эдуард внезапно понял все злость и негодование народа. Его родственница — уже не ребенок, а вполне зрелая и здоровая женщина. Монарх знал и понимал, что Джоанна будет противиться браку, но, если дела с Ричардом пойдут так и дальше, вскоре он сможет одеть на тонкий палец девушки обручальное кольцо, и тогда два великих рода навеки укрепят союз между собой.

Глава 5

Изабелла, все еще ощущая на своих плечах грубый натиск охранников, опустилась на колени перед возвышением, покорно сложив руки на груди. В этом ледяном зале, наполненном сквозняками, весь воздух был пропитан ненавистью и злобой. Она — член рода Диспенсеров, а ее судят, как простую девку.

Услышав устрашающие шаги за своей спиной, женщина почувствовала, как чьи-то руки коснулись ее волос, потом скользнули ниже. Все это казалось лишь кошмаром, каким-то отдаленным миражом.

Потеряв над собой контроль от страха, Изабелла резко дернула головой и обернулась, встретившись со злобным взглядом сэра Конрата Ланге, немецким аристократом и близким другом монарха. Он — верховный судья Тайного Заседания, и все, вплоть до английских епископов, его подданные. Эдуард, не осознавая опасности, сам создал тень своей власти и наделил обыкновенного аристократа огромной силой. Сам же немец не щадил осужденных, и за целые шесть лет лишь несколькими удалось сохранить жизнь после пребывания в этом зловещем здании.

Теперь же дама ле Диспенсер знала, что подлый Ланге, питавший к ней лишь ненависть, издаст приказ о казне. Женщина, изменившая мужу, приравнивалась до нечистой ведьмы, и сразу становилось изгоем в обществе. Любой, даже самый нищий крестьянин, мог плюнуть под ноги королевы, если та совершила страшный грех прелюбодеяния.

Сглотнув от страха, женщина почувствовала, как дрожь берет все тело в плен, а сердце, словно забитая в угол птичка, пытается вырваться на свободу. Ловя на себе презренные взгляды присутствующих, Изабелла с трудом поднялась: — Я не ваша служанка, чтобы стоять на коленях, — со злобой выплеснув эти слова, англичанка рывком направилась к выходу, но путь ей загородили

высокие, мускулистые стражники.

— Успокойтесь, миссис, и не смейте повышать голос в здании, где говорим лишь мы, — тихо, но угрожающе прошептал Ланге, наблюдая, как глаза Изабеллы наливаются алым гневом.

— Мы? Вы стали говорить о себе во множественном числе? Полно, мистер, не утруждайте себя приказами, ибо им женщина из великого рода никогда не подчинится. Вспомните, кто я, и кто вы? Где родились вы, кем были ваши родители?

— Прекратите! — Конрад угрожающе поднял руку, готовясь окрасить бледную щеку женщины цветом пощечины: — Вы пожалеете о своих словах! Кем вы бы не были за стенами этого здания, здесь вы лишь обвиненная, судьбу, которой вершу я и мои товарищи! — покраснев от злости, Ланге, стуча сапогами по мраморным плитам, опустился в кресло на возвышении, обратившись к хмурому мужчине лет шестидесяти. Старик, нервно перебирая четки в своих дрожащих, морщинистых руках, недобро поглядывал из-под полуопущенного капюшона, скрывающего почти все лицо.

— Ваше преосвященство, прошу задать вопросы леди, — епископ, настоящего имени которого не знал даже монарх, грудным, скрипучим голосом начал свою речь:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа,

Бога и Защитника, — перекрестившись, старик продолжал: — Клянешься ли ты, Изабелла, дочь Хью ле Диспенсера, отвечать правдой на мои вопросы? — в зале воцарилось хрупкое молчание, которой вновь нарушил так называемый Святой Старец: — Это правда, что в отсутствие своего мужа ты занималась прелюбодейством с нортумберлендским священником Цецилием?

Усмехнувшись через сжатые зубы, Изабелла сделала несколько шагов к возвышению, и, проведя рукой по мраморным ступеням, тихо прошептала: — Как чист этот мрамор, так и чиста моя душа.

На несколько мгновений лицо епископа осветила улыбка, но потом она сменилась гневной, непонимающей гримасой: — Что это значит? Ты не изменяла супругу?

— Я этого не говорила, ваше преосвященство. По этому мрамору каждый день прохаживаются десятки людей, так же и мою душу топтали. Разве моя вина в том, что я просто кричала, умоляя о помощи?

— Я вас не понимаю, леди Изабелла, — вмешался Ланге, подойдя почти вплотную к обвиняемой: — Сэр Ричард Фицалан оскорблял вас, бил, причинял боль?

— Мы не любили друг друга, — просто проговорила женщина, понимая, какой сейчас поток обвинений выльется в ее адрес: — Я стала

женой человека, которого даже не знала. Впервые мы встретились только во время помолвки. Все эти годы я покорно корилась своей доле, рожала детей, следила за замком, помогала Ричарду советами, утешала... Но благодарности не было. Получив наследников, Фицалан перестал даже прикасаться ко мне, спали мы в разных комнатах, а днем вели себя, словно чужие. Каждую ночь я рыдала в ледяной постели, опустошенная, разбитая, желавшая любви и страсти. Я медленно вяла с мужчиной, называвшимся моим мужем. Это был не брак, а капля воды, вечно горевшая в адском пламени, — незаметно смахнув слезы с глаз, Изабелла вслушивалась в эту неловкую тишину, с глубоким отчаянием наблюдая за бесчувственными, каменными лицами людей, которые, не узнав ее истории, вершили конец.

— Но это не давало тебе права идти по греховному пути. Выходит, ты создалась?

— Больше я ничего вам не скажу. Я — миледи из великого рода, только король имеет право наказывать меня, и только он поймет и услышит мою исповедь. Вы можете убить меня, так и не узнав правды. Теперь мои уста сомкнутся в этом замке, — устало подозвав стражников, Ланге вяло и сухо приказал, вновь занимая свое место в центре зала:

— Отведите миссис в камеру и запирайте там.

Завтра я допрошу и обвиняемого. Но его доля уже известна, — вздрогнув от этих слов, будто от огня, Изабелла остановилась, окинув Конрада презренным взглядом:

— Вы убьете его...

— Но вы можете спасти его. Если ваша любовь и вправду так сильна, вы расскажите нам всю правду об этих отношениях. И, возможно, тогда я не издам приказ о казне, — дама ле Диспенсер прекрасно понимала, что это лишь тщательно спланированная ловушка, и, несмотря на слезы отчаяния, что покатались по щекам, позволила охранникам отвести себя в темницу, не проронив ни слова. Тайна, которую она долгое время берегла для ушей короля, не станет пеплом и не возляжет к ногам Ланге. Пусть тело вздрагивает от ударов, перед глазами мелькают окровавленные трупы, женщина поклялась выстоять и хранить обет молчания до тех пор, пока не уединится с монархом в пустой комнате.

Отослав всех лордов и оставшись наедине с молчаливым стариком, Ланге склонился в поклоне, припав лбом к морщинистой руке того самого Фарфорового Епископа, имя которого хранилось в строжайшей тайне. Уже долгие года королевская семья искала этого негодяя, в молодости убившего десятки невинных людей. Даже покойный Эдуард II посылал личных шпионов на опасные поиски. Увы,

молодость прошла, страсть и адское желание крови приутихло, но черный гнев, завладевший душой, продолжал толкать на необдуманные поступки. Эркюль де Монье, француз с испанскими корнями, скрывающийся под псевдонимом Фарфоровый Епископ, обманом завладел доверием короля, называя себя Святым Старцем. Он не только вошел в Тайное Заседание, как главный представитель Божьей воли, но и приблизился к монарху. Тот, сам не осознавая ловушки, держал возле себя врага, доверяя ему все свои тайны. Изабелла, эта темноволосая змея, единственная, кто знала правду о прошлом судьи. Но теперь птичка сама запорхнула в клетку, и епископ хотел вырвать ей крылья.

— Конрад, эта девчонка знает слишком много. Мы не можем допустить, чтобы она встретила с королем, иначе полетят наши головы.

— Но, господин, вы же сами слышали, что она не намерена ничего нам рассказывать. А монарх...

— Мне наплевать на ее измену. Я веду расследование лишь ради того, дабы еще больше втереться в доверие этому никчемному Эдуарду. Если Изабелла решила молчать, даже пытками мы не вырвем из нее правду. Но ложь может превратиться в эту самую правду, — хищно улыбнувшись, старик жестом приказал Ланге приблизиться, и прошептал ему на ухо: — Ты

скажешь королю, что женщина созналась в своих греховных отношениях, и совет вынес ей приговор. Но, не желая позорить себя, дама сама свершила правосудие. Сегодня ночью ее сердце остановится навсегда. Мои люди задушат ее, не оставляя на теле никаких следов, а потом перережут вены и вложат в руку окровавленный кинжал. Все будут считать, что Изабелла покончила с собой, а мы избавимся от лишнего свидетеля.

Судорожно сглотнув, Конрад отошел на несколько шагов, непонимающе поглядывая на своего повелителя: — Я...все понимаю, но, ваше преосвященство, убивать невинного человека — огромный грех. Я верно и преданно служил вам, но никогда не покрывал руки кровью.

— Послушай меня, щенок! — взревел Фарфоровый Епископ, и капюшон, скрывающий его уродливое лицо, откинулся назад. Нахмурившись при виде страшных рубцов, Ланге опустил глаза, понимая, что больше не может служить двум господам. Убить Изабеллу, значит, предать короля, не покорится воле старику, значит, подписать себе смертный приговор. Оказавшись меж двух огней, Конрад не знал, на чью дорожку ступать, и решил продолжать вести двойную игру:

— Хорошо, я покорюсь вашей великой воле. Если женщине суждено умереть, так и будет. Но чем я могу вам помочь?

— В этом деле не нужно твое участие. Просто сообщи Эдуарду, что подозрения оказались правдой. Пусть и он, и Ричард, отвернутся от Изабеллы. Также пошли весточку в замок Арундел. Я хочу, чтобы ублюдки этой змеи отправились в Виндзор, будто на суд матери, но на самом деле мои люди схватят их и привезут в мое поместье, как заложников. Благодаря щенкам я смогу шантажировать не только Фицалана, но и короля. Жизни этих никчемных ценятся очень высоко.

* * *

Конрад, словно безумный, мчался по пустынным коридорам, и, с силой открыв двери, влетел в крохотную комнатку, где на кровати испуганно сидела Сюзет, его помощница и верная подруга. Вскочив с лежанки и набросив на обнаженные плечи шаль, девушка присела в реверансе. Она, всегда смелая и отважная, дочь опытного охотника, дама, что упражнялась на мечах и стреляла с лука не хуже любого опытного мужчины, порой дрожала перед этим светловолосым лордом. Сюзет знала, что у хозяина постоянно меняется настроение, и сейчас он пребывал в далеко не роскошном расположении духа.

— Что случилось, милорд? — прямо спросила

молодая женщина, и, опустившись в кресло, задумчиво наблюдала за мистером Ланге, который, присев на корточки, взял ее руки в свои:

— Мне нужна твоя помощь. Только ты, преданная и верная мне, сможешь выполнить это непростое задание.

— Говорите, я ради вас в ад пойду, — смело улыбнувшись, девушка резко поднялась, и шаль, скрывающая ее обнаженные плечи, устелила собой ковер. Вдохнув аромат немного едких духов, Конрад почувствовал, как кровь беспокойно забурлила в жилах. Мужчину всегда бросало в жар при виде этой красавицы, и ее натренированное, мускулистое, загорелое тело так и манило к себе. И этой картины не портила слишком маленькая грудь и узковатые бедра. Ланге несколько раз сглотнул, пытаясь прогнать наваждение, и, с трудом отведя глаза от Сюзет, монотонно проговорил:

— Ты должна немедленно вскочить на коня и поскакать к королевскому замку. Там отыщи леди Джоанну Плантагенет и скажи, что Изабеллу ле Диспенсер хотят убить сегодня ночью. Пусть она соберет своих людей и приедет к Диксконской Темнице. Только об этом никто не должен знать, особенно августейшая чета. Мы обязаны спасти леди Диспенсер, — Конрад ожидал, что Сюзет покроет его вопросами, вскриками, причитаниями, но девушка лишь сдержанно кивнула, и, слегка

улыбнувшись, коснулась плеча Ланге, отчего у него голова пошла кругом. Безусловно, это была какая-то необыкновенная, сильная, смелая женщина, обладающая мужской отвагой и женственной, нежной душой. Сражаясь вместе со своими братьями, каждую неделю ездя с отцом на охоту, девушка научилась принимать ситуацию такой, какая она есть и быстро реагировать на сказанные слова.

— Кто хочет убить ее? — карие глаза Сюзет блеснули адским огнем, и Конрад понял, что с такой женщиной сможет уничтожить даже Фарфорового Епископа.

— Сейчас это не имеет значения. Прошу, поторопись. От замка и до темницы небольшое расстояние, но уже на город опускается вечер. Умоляю, спаси Изабеллу и доставь к королю. Там она будет в безопасности. Я не могу помочь тебе, ибо шпионы негодяя следят за каждым моим шагом. Я благословляю тебя, Сюзет, да прибудет с твоей отвагой Око Господне, — присев в реверансе, девушка быстро надела поверх сорочки плотную тунуку, и, заправив облегающие длинные панталоны в высокие сапоги, поспешила вон из комнаты. Там, в квадратном дворе, молодую женщину ожидал лишь один вооруженный мужчина, личный охранник Конрада, ибо старик отобрал у Ланге все личное войско, опасаясь

нападения и предательства. Безусловно, два человека не могли справиться с десятками отважных воинов, и только помощь богатой миледи, в распоряжении которой немного меньше сотни людей, была уместной.

Запрыгнув на коня, Сюзет галопом помчалась по пустынной дороге, подгоняемая свежим, морозным воздухом. Чепец, скрывающий волосы, болтыхался на ледяном ветру, развеивающиеся полы плаща укутывали крутые бока коня, но молодая женщина не отпускала поводьев, и уже через полчаса перед девушкой восстал Виндзорский замок, казавшийся просто серым пятном на белоснежном небе. Приказав жестом своему спутнику скрыться, Сюзет спрыгнула с лошади, и, ведя ее за уздечку, подошла к массивным, решеточным воротам, за которыми слышалась оживленная речь и громкий смех. Услышав какие-то звуки, охранники вмиг замолчали, и, держа перед собой острые мечи, с легкостью подняли решетки.

Удивившись при виде хрупкой девушки, которая, подобно бесстрашному воину, в такой холод ехала верхом, охранники убрали мечи, но не спускали с неожиданной гостьи подозрительного взгляда: — Кто вы, мисс?

— Меня зовут Сюзет Рамзи, я приехала к Джоанне Плантагенет. Мне необходимо с ней

немедленно встретиться, — переглянувшись, стражники вновь опустили свои руки, затянутые в кожаные перчатки, на рукояти оружия:

— Уже вечер, мисс. Миледи опочивает, и приказала ее не беспокоить. Приезжайте завтра утром.

— Но это очень важно!.. — воскликнула девушка, ловя на себе презренные, холодные взгляды мускулистых мужчин: — Вы не можете меня выставить за дверь, как попрошайку! Сообщите леди о моем приходе, и только в случае ее отказа я уйду, — недовольно вздохнув, высокий, темноволосый охранник грубо взял молодую женщину за руку и почти затащил в овальный двор:

— Ждите здесь! — опустившись на ледяную лавку, Сюзет поднесла замерзшие руки к губам, начиная дрожать от пронзительного холода. Здесь, в этом крохотном саду, особо чувствовался беспощадный мороз, казалось, он скользит по коже, словно венецианский шелк. Натянув на лоб чепец, девушка продолжала неподвижно сидеть, проживая каждую минуту, будто вечность.

Наконец раздался долгожданный топот сапог и в узком проеме главной двери показалось покрасневшее лицо того самого стражника:

— Идите сюда, мисс. Ее светлость готова вас принять, но лишь на несколько минут. Миледи приказала больше не беспокоить ее в такой час.

Быстрее! — взяв Сюзет под локоть, охранник повел девушку по холодным, пасмурным коридорам, черед которых казался бесконечным. Здесь, в замке самого короля, гостили уважаемые люди страны, но слуг было гораздо больше. Казалось, они занимают все пространства, и даже сама королевская семья живет в постоянной тесноте. Где-то слышался смех молоденьких горничных, топот неопытных лакеев, из кухни доносились резкие запахи и клубы пара.

Наконец перед девушкой показалась долгожданная дверь, ведущая в покои кухни короля. Присев в реверансе, юная служанка поманила за собой гостью, ведя ее по бархатным коврам, расшитым позолоченным нитями. Ахнув от роскоши, Сюзет с нескрываемым восхищением рассматривала декоративные узоры на стенах, переводила взгляд на несколько серебряных статуэток, окружавших кресло, где величественно восседала сама леди Джоанна. Безусловно, кухня короля — не просто аристократка, но такое излишнее богатство может себе позволить лишь королева, а особенно в дни, когда казна опустошена из-за войны.

— Миледи, — присев в реверансе, девушка гордо выпрямилась и с опаской посмотрела на служанку, стоявшую возле англичанки: — Если позволите, я хочу кое-что вам сказать. Только это очень щепетильный разговор, не терпящий

посторонних...

— Люсинда — не посторонняя, — грубо выплеснула Джоанна: — Она не только моя горничная, но и подруга. Поэтому, мисс Сюзет, говорите здесь и сейчас. Я и так нарушила свой покой ради вас.

Усмехнувшись, девушка подошла еще ближе к королевской кухне и, глядя ей прямо в глаза, бесцеремонно ответила: — Я не собираюсь унижаться перед вами. Для всех вы миледи, но у меня есть свой господин, и я приехала по его просьбе. Изабелла ле Диспенсер сегодня должна была предстать перед Тайным Заседанием, но из-за своей гордости женщина не только промолчала, но еще и нагрубила Конраду Ланге и Святому Старцу. Она сказала, что будет говорить лишь с королем. Разгневавшись, августейшие сеньоры отправили ее в Диксонскую темницу, а через час ко мне явился милорд и сказал, что ночью Изабеллу убьют. У него давно отобрали личных охранников, и лишь вам он может доверить эту тайну. Джоанна, ваши люди обязаны ее спасти, — монотонно и бесчувственно произнесла Сюзет, наблюдая, как лицо англичанки наливается багрянцем, а губы что-то бессвязно шепчут. Ошарашенная таким неожиданным известием, леди забыла о своем высоком положении, и, как обыкновенная девушка, подошла к гостье и провела рукой по ее плечу:

— Ты уверена? Но...кто? Изабелла из рода Диспенсеров, ее жизнь принадлежит династии. Никто не посмеет даже коснуться ее, не то, чтобы убить. Это какая-то ошибка... К тому же, откуда об этом может знать Ланге?

— Мне неизвестны подробности, госпожа. Возможно, это и вправду ошибка, может быть, ловушка, но у нас нет времени раздумывать.

Опустившись на кушетку и отпив несколько глотков воды, Джоанна тихо проговорила: — Мы обязаны сообщить монарху. Пусть он пошлет воинов и тогда никто не причинит...

— Нет, миледи, — резко оборвала Сюзет: — Мистер Конрад сказал, что об этом никто не должен знать, а особенно король. Будет лучше, если мы его послушаем и тихо сделаем дело.

— Но это не так просто... Если это задуманное убийство, десяток охранников бессилён. Но можешь не волноваться. Я сделаю все, что в моих силах. Люсинда, немедленно найди Мэтью Кроуфорда и прикажи послать моих людей в Диксонскую темницу, — Сюзет бросилась за служанкой, но громкие, повелительные слова Джоанны ее остановили: — Ты останешься со мной. Женщина бессильна в такой ситуации. Лучше предоставь все опытным воинам. Садись и жди.

Девушка хотела возразить, но, увидев острый и повелительный взгляд Джоанны, покорно

опустилась в кресло. Сюзет чувствовала себя мотыльком, зажатым меж двух огней. Она порхала вокруг пламени, приземлялась, потом вновь взлетала ввысь, но крылья начинали постепенно тлеть. Молодая женщина пыталась не вспоминать, кто она на самом деле, и какой ценой ей досталось служение Конраду. Когда то Сюзет была обыкновенной девочкой, шестой дочерью бедного свинопаса и его больной, немощной жены. Каждый день благодаря Всевышнего, англичанка постепенно находила в себе призвания быть рабой Господа. Сюзет мечтала когда-то переступить порог благословенного монастыря, припасть горячими устами до святого распятия, принять постриг, научиться читать и писать, заучивать псалмы. Жизнь под Оком Бога казалась юной простолюдинке настоящим раем, но вскоре мечты девушки разбились подобно нежному хрусталу. Родители не могли прокормить шести дочерей, о приданном даже не мечтали, и оставался лишь один выход: продать молодых, здоровых красавиц каким-то богатым господам.

Сюзет, будучи тогда тринадцатилетней девочкой, смотрела, как мускулистые, высокие мужчины уводят рыдающих сестер, как несчастные омывают свои худые и бледные лица беспощадным потоком слез, как проклинаяют собственных родителей. Слишком жестокий и алчный отец

просто находил выгодных покупателей и ради дополнительных монет даже раздевал собственных дочерей, показывая господам их стройные, юные тела. Когда-то свободные крестьянки становились рабынями и их жизни стояли не больше крохотного мешочка золотых.

Потом в селения ворвалась беспощадная эпидемия какой-то неизвестной болезни, что косила людей сотнями, забирая их жизни в могилы. Симптомы были совершенно разные, но все сводилось к одному: страшный жар и лихорадка, спасения от которой не было. Больной просто сгорал живем, корчился в судорогах и криках.

Однажды жарким, летним утром девушка почувствовала недомогания, при резких движениях кружилась голова, мучали рези в желудке, внезапно сердце начинало выскакивать из груди, и только несколько судорожных вздохов успокаивали бешеные удары. А в полдень, в самый разгар жары, Сюзет отправилась в соседнюю деревню за водой, но внезапно покачнулась и укрыла своим худощавым, горячим телом грубую землю. Бесчувственную девушку принесли домой, но жестокий отец даже не подумал вызвать лекаря. Одинокая и предназначенная самой себе, англичанка пришла в себя поздно вечером, когда все мужчины поселка собирались в ближайшем кабаке. Дома осталась лишь беспомощная мать, и

Сюзет внезапно поняла, что жизнь медленно покидает ее. Женщина, бледная, как полотно, неподвижно лежала на узкой койке, лихорадочно поглядывая на свою слабую, едва державшуюся на ногах дочь. Сюзет коснулась щеки мамы и внезапно замерла. Кожа, холодная и сухая, а на ней огромные кровавые пятна, такие, какие появляются лишь у людей, заразившихся этой страшной болезнью... Сюзет знала, что от этого недуга излечиваются лишь богачи, имеющие деньги на лекарства, а простые бедняки тихо испускают дух. Англичанка несколько часов рыдала над телом матери, а потом резко стала задыхаться. Пот струился по багровой коже, но, несмотря на это, несчастную била ледяная дрожь. Девушка не знала, что делает, и очнулась лишь тогда, когда брела по одинокой дороге, отгороженной от всей деревни высокими, почти лесными деревьями. Потом лишь туман, холодный и удушливый...

Словно вырванная из другого мира, одинокая, разбитая, ослабевшая, девочка пришла в себя уже в каком-то богатом, роскошном доме, где приятно пахло ароматическими маслами, а в воздухе царил тепло и уют. Несколько дней девушка молчала, почти ничего не ела, часто просто проваливалась в какое-то забытие, из которого ее выводили тучные женщины с дурно пахнущими флакончиками. Сюзет не могла понять, что с ней происходит, кто

эти заботливые люди, и лишь через пять дней смогла проговорить первые слова и узнала, что отныне она — новая рабыня уважаемого итальянца Эугенио Буджардини и это приятная, пожилая женщина, приносящая девушке каждый день еду и лекарства — такая же служанка, как и она. Вскоре эта милая, но строгая матрона займется воспитанием Сюзет, чтобы сделать из нее верную прислужницу в доме богача. Девушка не могла противиться воле человека, который, найдя ее без сознания в поселке, не оставил на съедение собакам, а привез в свой замок, нанял опытных лекарей и помог преодолеть страшный недуг. Да, англичанка еще не могла вставать с постели из-за постоянных головокружений, часто девушку мучила тошнота и рвота, из-за чего больная целыми днями голодала, выпивая лишь лекарства. Вскоре Сюзет смогла встать на ноги, но избегала зеркал, опасаясь посмотреть на живого скелета, обтянутого кожей. Болезнь не только принесла несчастной уродливую худобу, но и изуродовала кожу страшными пятами. Твердили, что вскоре они пройдут, но Сюзет чувствовала себя лишней, никчемной девкой в этой благословенной, роскошной обстановке.

Потом все пошло своим бурным чередом. Постепенно к девушке возвращалась красота, тело принимало соблазнительные формы, выпавшие

волосы отрастали, кожа становилась гладкой и шелковистой, но шрам в душе продолжал кровоточить. Эугенио не мог похвастаться дружелюбными отношениями со слугами, и под его горячую руку постоянно попадала лишь Сюзет. Приставленная личной служанкой сеньора, англичанка не могла отойти от него ни на шаг, и сносила не только ругательства, но и частичные пощечины. Законной жены у итальянца не было, и роль сеньоры Буджардини играла его любовница — Риккарда Торрегросса, очаровательная, но капризная и требовательная дама. У Сюзет щемило сердце, когда она вспоминала, что ее госпожа — дочь такого же крестьянина, как и она. Риккарда влюбила в себя Эугенио, и только с его помощью покинула грязную деревню, где спала на земле и ела останки со столов аристократов. Безусловно, Торрегросса имела внешность и фигуру, которой могла позавидовать любая, но женщина была на два года старше любовника, и соответственно, отстраняла от него молоденьких служанок. Сначала худющая, бледная и нескладная Сюзет не вызывала у госпожи ничего, кроме пренебрежения, но время шло, и к шестнадцати годам девушка обрела пускай и не яркую красоту, но милая и нежная внешность могла приворожить любого. Риккарда не стала ждать, пока новоиспеченная соперница запрыгнет в ложе «мужа», и решила подыскать девушке

состоятельного опекуна. Таким стал барон Эддрик Рамзи, уважаемый феодал и лучший друг Риккарды.

Сюзет понимала, что она всего лишь рабыня, и ее просто продали какому-то старику, даже не уведомив об этом Эугенио. Под покровом ночи девушку посадили в крытую повозку и до самого рассвета везли по пустынным, устрашающим улицам. Утром, уставшая и расстроенная, англичанка предстала перед своим новым господином. Она ожидала увидеть пожилого мужчину, одетого в бархат и шелк, восседавшего среди золота, надменного и жесткого, но вместо этого девушка созерцала улыбающегося господина лет пятидесяти, одетого в свободный и незатейливый наряд, что отлично подчеркивало сильное тело Эддрика. Теплый, нежный взгляд заставил Сюзет хоть на минуту почувствовать себя живым человеком, у которого также могут быть чувства и желания. Шестнадцатилетняя девушка никогда не испытывала ничего, кроме вечного пренебрежения со стороны других, была просто бесплодной вещью, и те три года, проведенные в доме Эугенио Буджардини, являлись продолжением ада, начатом в еще родном селе.

После теплой беседы со своим новым хозяином, Сюзет много чего поняла. Постепенно у нее вырисовывался характер, юная красавица не боялась высказать свое мнение или отказать, если

что-то ей не нравилось. Эддрик, потерявший жену еще девять лет назад, сам воспитывал четверых детей. Старшему сыну Бенни уже исполнилось двадцать два, и он вместе со своей беременной супругой собирался уехать в живописный городок на юге Англии, где хотел воплотить в жизнь свои мечты по поводу великолепной поэмы, воспевавшей красоту природы и счастье быть рядом с любимой. Эддрик не запрещал сыну заниматься поэзией, даже потакал прихотям первенца, хотя порой задумывался над тем, что такой интеллигентный, хрупкий молодой человек не сможет управлять землями после его смерти. Но двое пятнадцатилетних юношей-близнецов кардинально отличались от своего старшего брата. Сильные, и отлично сложенные для своих молодых лет, парни являлись настоящей гордостью Эддрика. Сражения на мечах, стрельба из лука, езда верхом, постоянные военные походы и кочевая жизнь — вот их желанная стихия.

Сюзет чувствовала себя родной в этом семье, но Алиса, единственная и горячо любимая дочь мистера Рамзи, все перечеркивала. Заносчивая и гордая, девушка в свои четырнадцать давала отпор отцу, как тридцатилетняя мадам. Эддрик желал воспитать в Алисе чувства, подвластные сильному, смелому человеку, принуждал дочь заниматься военными упражнениями, ездой на коне, но

девушка предпочитала суровому образцу жизни воина дорогие платья и кокетливые разговоры с юношами.

Казалось, в семье Рамзи все прекрасно и спокойно, там, под ласкающим лазурным небом Сюзет обрела свой дом, где с ней обращались, как с равной, а не унижали и били, подобно рабыне. Но все хорошее когда-то кончается, и девушка испытала это на собственном горьком опыте. В мирную жизнь ворвалась она... черная и жестокая смерть, ставшая началом конца.

Однажды в Алисе проснулось неожиданное желание прокатиться на новом коне, Эддрик же, разумеется, отпустил ее и Сюзет покататься верхом по пустынной местности, такой роскошной, но и пугающей. Дочь господина начала привыкать к служанке, и они спокойно разговаривала, люблюсь пейзажем. Но... Девушка не заметила груды камней, укрывающей дорогу, и, еще неумело управляясь с лошадью, не смогла остановить взбесившуюся кобылу. Подвернув ногу и зацепившись за колючие ветви, конь словно превратился в дьявола и помчался неуправляемым галопом в самую глушь. Сюзет гналась за кричавшей Алисой, пыталась ухватиться за поводья, но вдруг кобыла покатила по склону, волоча за собой почти обезумевшую девушку.

Англичанка потеряла над собой контроль,

когда увидела почти раздавленную напололам леди Рамзи, а над ней — мертвого коня, залитого кровью. Сюзет понимала, что она вновь стоит перед лицом смерти, и вслушивается в каждый ее медленный, ледяной вздох. Девушка не помнила, что произошло дальше, и очнулась лишь тогда, когда ее везли на коне под строгим присмотром люди Эддрика. Вздрагивая от каждого шага кобылы, англичанка пыталась не смотреть на тело своей погибшей госпожи, но ее будто специально принуждали обворачиваться назад и встречаться взглядом с кровавой массой.

Замок погрузился в глубокий, страшный траур. Но Сюзет благодарила Бога, что барон уехал в свое загородное поместье, ибо встречаться с хозяином и каждый раз понимать, что в смерти его любимой и единственной дочери виновата именно ты — невыносимо.

Мучительно проходили дни, недели, утекали месяца, но от Эддрика не было слышно никаких вестей. Молчаливый и угрюмый, он редко принимал приехавших сыновей, и, обменявшись с ними простыми словами приветствия и сочувствия, отсылал назад.

Каково же было удивление Сюзет, когда личный слуга господина Рамзи приехал к ней и попросил явиться к хозяину. Девушка ожидала, что ее приговорят к казне, убьют, словно ненужную

вещь, обвинят в смерти Алисы, Эддрик будет кричать на нее и бить. Но все страхи оказались ложными, когда сам барон ласково обнял девушку и проговорил следующие слова: «Прошло уже почти полгода со дня гибели моей...дочери. Время превратилось для меня в саван и медленно сжимает в своих беспощадных объятиях. Еще немного, и я просто задохнусь от этой боли. Но есть человек, способный вытащить меня из этой ловушки. И это ты... Сюзет, в тот роковой день ты сделала все, чтобы спасти Алису, но не судилось. Когда я приехал на место смерти и увидел тебя, неподвижно сидевшую над трупом, мне показалось, что душа моей доченьки переселилась в тебя, и ты для меня не просто знакомый человек, служанка, рабыня... Ты — моя звезда, мой нежный лучик, чье тепло и доброта вытащат меня из ледяного плена. Ты теперь моя дочь и никто больше не посмеет назвать тебя невольницей или простолюдинкой. Наши жизни переплелись непросто так, ведь это новая страница в жизни и для тебя, и для меня».

Разумеется, Сюзет согласилась, но не чувствовала совершенно ничего, кроме глубокого удивления. Видевшая смерть мамы и гибель девочки, молодая женщина навсегда закрыла ворота в свое сердце и превратилась в простую игрушку судьбы. С того дня Эддрик учил новоиспеченную дочку всему, чему мечтал научить и покойную

Алису. Через несколько лет англичанка уже сражалась наравне с братьями, превосходно упражнялась на мечах, убивала, спокойно пронзая жертву клинком. Для всех она была Сюзет Рамзи, хотя все и знали, что настоящая наследница барона давно мертва, и девчонка, занявшая ее место — простая служанка и простолюдинка. Все знали, но молчали и корились... Потом барон слег и последний год страдал подагрой, но самой великой заботой для старика являлась дальнейшая жизнь уже девятнадцатилетней девушки. Сюзет не хотела выходить замуж, избегала мужчин, и Эддрику ничего не оставалось, кроме как передать опеку над дочерью своему другу Конраду Ланге. Да, англичанка уже достигла совершеннолетия, но распоряжаться своей жизнью сама просто не могла, привыкнув, что все диктуют ей каждый дальнейший шаг. Теперь она — двадцатичетырехлетняя незамужняя женщина, почти служанка уважаемого аристократа. Лучшая половина жизни уже минула, и Сюзет об этом пыталась не жалеть, хотя порой душа разрывалась от тоски и одиночества, ибо птица, вырванная из родного гнезда, никогда не будет считать золотую клетку своим домом.

— Леди, — вкрадчивый голос Джоанны вырвал девушку из раздумий, и, вздрогнув, мисс Рамзи покорно сложила руки на коленях: —

Сколько еще ждать?... Почему вы не позволили мне тоже поехать? Клянусь, я бы могла защитить...

— Хватит, — резко оборвала кузина короля, беспокойно расхаживая по огромным, теплым покоем: — Я и так нарушила правила, пытаюсь спасти Изабеллу из ловушки без разрешения его величества. Женщине не место в бою, и через эту традицию я не переступлю, — вспыхнув и покраснев, Сюзет едва удержалась от язвительного ответа, но понимание, что в какой-то степени Джоанна права, помогло девушке с улыбкой кивнуть.

Ужасно медленно тянулось время, его неспешный отсчет буквально сводил с ума двух ожидающих женщин, и наконец, раздались долгожданные шаги. Вскочив с кресла и направившись к двери, леди Плантагенет открыла рот от удивления, когда созерцала на пороге лишь тяжело дышащего Мэтью Кроуфорда: — Миледи, они..., они ее украли..., увезли...те люди,... — бессвязно бормотал мужчина, едва держась на подкашивающихся ногах: — Мы не смогли ее найти...Пустая камера, похищение...

— Тише, успокойтесь и все подробно расскажите, — ласково усадив англичанина в кресло и подав ему стакан воды, Сюзет уловила на себе недовольный взгляд Джоанны. Та лишь высокомерно стояла, не соизволив даже пригласить

запыхавшегося человека в центр покоев:

— Говорите. Что с леди Изабеллой?! Какие дьяволы вас носили около трех часов неизвестно где?! Что за безответственность, мистер Кроуфорд? Вы — лучший воин королевского войска, в вашем распоряжении было около пятидесяти людей, и вы проиграли каким-то разбойникам?

— Все далеко не так, леди Джоанна. Мы по вашему приказу прибыли к стенам темницы, ожидали смены караула, потом бесшумно пробрались вовнутрь, но все камеры были совершенно пусты. Один из моих воинов сказал, что видел, как из потайных ворот выходили какие-то люди, ведущие вырывающуюся женщину. Несчастная кричала и молила о помощи, но ее беспощадно хватали за волосы и толкали, принуждая идти. Возможно, это была Изабелла Диспенсер...

Тяжело опустившись на кушетку, англичанка устало протерла глаза: — Сейчас глубокая, снежная ночь, и нам ничего не остается, как просто пойти спать. Завтра утром я оповещу короля, пусть даже этого не хочет Конрад Ланге, — сделав ехидное ударения на последнем слове, девушка нетерпеливым жестом попросила присутствующих покинуть ее опочивальню, и, услышав, как их шаги затихли на нижних этажах, бесцеремонно сорвала с себя платье, скрывшись под балдахинном. Пытаясь

сдержат в себе рыдания, молодая женщина зажала дрожащей рукой бесцветные губы, со страхом оглядываясь по сторонам. Беды ходили за ней по пятам, сначала предательство матери, теперь исчезновение Изабеллы, близкой подруги Джоанны. Леди Плантагенет отлично понимала, что эти два события связаны меж собой крепкой, но невидимой нитью.

Убаюканная грустными, призрачными мыслями, девушка вскоре уснула, погрузившись в неглубокий сон с ужасными сновидениями.

Глава 6

Чьи-то холодные, дрожащие руки коснулись плеч, потом опустились на волосы, в беспорядке разметавшиеся по подушкам... Словно вырванная из какой-то кошмарной бездны, Джоанна с криком подорвалась, лихорадочно оглядываясь по сторонам. За окном едва дребезжал рассвет, и в полутьме девушка смогла рассмотреть неясный силуэт сгорбившейся Люсинды. Сжимая в ладонях концы шали, служанка боязливо присела в реверансе: — Простите, что разбудила... Миледи, вас желает видеть некая мисс... Она сказала, что это касается Изабеллы Диспенсер. Женщина ожидает вашу светлость в западном саду. Я не могла не сообщить, — вскочив с кровати, Джоанна

быстро направилась к туалетному столику, схватив гребень и став нетерпеливо водить его по спутавшимся волосам:

— Немедленно принеси мой наряд! — туго затянув плащ и спрятав волосы, собранные в пучок, под бархатным капором, молодая женщина поспешила к двери, жестом приказав горничной оставаться в комнате.

Несмотря на протесты Люсинды, Джоанна уверено вышла из покоев, быстро минув еще пустые, холодные коридоры, наполненные мертвой, болезненной тишиной. В такие часы еще весь двор опочивал, приятно нежась в теплых кроватях возле каминов, и девушка могла не волноваться, что ее тайная встреча с незнакомкой коснется чьих-то недоброжелательных ушей.

Сильнее запорхнув полы плаща, Джоанна с трудом открыла замерзшую дверь, соединяющую входной двор и западный сад. Внезапно в лицо подул порывистый ветер, легкие наполнились ледяным воздухом, и даже глаза защипало от пронзительного мороза. Но Джоанна всегда любила зимнее утро, наблюдала, как природа медленно пробуждается, сбрасывая ночной снег. С благоговением подняв глаза к небу, девушка несколько минут просто смотрела на снежные облака, потом перевела взгляд на рассветную полосу, укрывающую далекий горизонт.

Залюбовавшись этой ледяной, непринужденной природой, дочь графа забыла, что ее ждет какая-то женщина, и лишь услышав шорох за углом, поспешила на встречу. Там, среди обнаженных кустов и деревьев, прохаживалась незнакомка, скрытая под черным, бесформенным платьем. Голову и плечи женщины прятало длинное покрывало, доходившее почти до пояса. Услышав шаги, дама обернулась, но Джоанна не смогла рассмотреть и ее лица из-за плотной вуали, сеткой покрывающей даже глаза.

— Доброе утро, миледи, — приятный, звонкий голос совсем не подходил «призраку», и, несколько раз вздохнув, девушка гордо вскинула голову, вспомнив о своем величайшем положении:

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — бесцеремонно бросила леди Плантагенет, через несколько секунд пожалев о своих словах. Женщина наклонилась к уху Джоанны и тихо, устрашающе прошептала:

— Идите за мной.

Англичанка лишь испуганно покачала головой, но незнакомка протянула свою руку, затянутую в перчатку: — Идите за мной! — уже настойчивее проговорила она. Джоанна лихорадочно огляделась. В этом замерзшем саду девушка была одна, и ближайший придворный дом находился достаточно далеко, чтобы звать на

помощь. Джоанне ничего не оставалось, как покорно вложить свою вспотевшую, ледяную руку в открытую ладонь незнакомки, чьи пальцы беспощадной хваткой обвили запястье девушки. Буквально потащив побледневшую англичанку по скользким булыжникам, сама женщина шла смелым, быстрым шагом, минуя один угол за другим. Наконец показалась пустынная местность, находившаяся в достаточно приличном расстоянии от сада. Вытерев носком сапога снег, дама одним рывком подняла замок, и две железные двери, скрывающие какой-то подземный коридор, с ужасным скрипом распахнулись в разные стороны. Сглотнув от страха, что резанул сердце, девушка потемневшим взором наблюдала, как незнакомка опускается по железной лестнице. Джоанна знала, что у нее нет другого выхода, как последовать ее примеру, и со слезами на глазах вступила на скользкие ступени.

Англичанка ожидала увидеть темный, непроглядный тоннель, но вместо этого перед ней располагался короткий коридор, заканчивающийся грубой, огромной дверью. Неизвестная женщина замешкалась, и, уловив момент, Джоанна бросилась бежать к выходу. Увы, силе и четкости незнакомки не было равных, и, вскоре, леди Плантагенет, придавленная к стене, почувствовала на своей шее острое лезвие кинжала. Вуаль тщательно прятала

лицо негодяйки, но в прорезях ткани сверкнули темно-зеленые, как у кошки, глаза, напоминающие опасные изумруды.

— Ты будешь тихой и покорной, иначе пожалеешь. Еще один шаг против моей воли, и я разукрашу твое личико этим ножом. Поняла? — разбойница рывком взяла под локоть свою жертву и повела перепуганную девушку к двери, которую с легкостью распахнула.

Яркий, противный свет ударил в глаза, и, щурясь, леди Пантагенет едва смогла рассмотреть высокую, черную ширму, за которой горбился какой-то силуэт. Подведя Джоанну к кружевной занавеске, незнакомка склонилась в поклоне, принудив к этому и пленницу: — Господин, я ее привела. Девчонка готова предстать перед вашим великим оком.

За перегородкой что-то шевельнулось, приблизилось на несколько шагов, но при свете лампад Джоанна смогла рассмотреть только морщинистые руки, до крови сжимавшие четки со странными знаками в виде звезд. Сглатывая страх, что с каждой минутой все больше выходил из трепещущего сердца, девушка едва держалась на ногах, и, почувствовав, как крепкие пальцы незнакомки разомкнулись на ее запястьях, покачнулась, припав лбом к ширме: — Вижу, наша гостя себя плохо чувствует, — раздался

скрипучий, словно царапанье кошачьих когтей, голос: — Выйди, — женщина, подняв полы длинного платья, скрылась за дверью, но даже наедине с Джоанной похититель не пытался раскрывать свои замыслы.

Ужасно долго утекали минуты, и, наконец, тяжелую тишину разрезал всю тот же голос, будто принадлежавший самому дьяволу: — Ты — кузина самого короля, дочь великого Эдмунда Вудстока, умершего ради правды и справедливости. Ты молода, красива, богата, уважаема, умна, но...нелюбима, — Джоанна тихо вскрикнула, приложив ладонь к губам. Этот старик словно читал строки из ее души, прикасался к самым сокровенным, озвучивал прочитанное. Леди Плантагенет долгое время хранила эти речи в своем сердце и сейчас, в этой темной комнате, они оживали. Миледи не может быть любима, да, есть люди, которые обожают ее, как девочку королевской крови, которые заботятся о ней, словно о дорогой кукле, но не более того... Это правило существовало много веков, и сама Джоанна стала его заложницей. В раннем детстве потерявшая отца, разлученная с матерью, чувствовавшая лишь холод со стороны старшей сестры и равнодушные брата, леди Плантагенет просто жила по вечным устоям, корилась, но всегда знала: мать не любит ее по настоящему, просто не

может, ведь свое родное дитя она не воспитывала, видела лишь изредка. А кузен-брат просто выдаст богатую родственницу замуж за того, в ком будет поддержка и помощь для Англии. Девушка не хотела признаваться даже самой себе, но какой-то мелкопоместный лорд значил для нее гораздо больше, чем, как казалось, родные люди. Да, Томас горд и он унизил даму, но его взгляд, голос, движение... Рядом с ним Джоанна чувствовала себя человеком, а не *миледи*.

— Немного зажившая рана продолжает кровоточить, и вскоре ты захлебнешься собственной кровью, если во время не оказать помощь. Да, во мне ты видишь лишь врага, пытающегося причинить вред, но я и пальцем тебя не коснусь. В любой момент, даже сейчас, ты можешь просто уйти отсюда, но тогда не узнаешь роковой тайны.

Пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами и диким желанием убежать, Джоанна высокомерно бросила: — Мне сказали, что это касается Изабеллы. Где она? Что с ней? Вы ее убили?

— Не торопи события, девочка. Все тайное когда-то становится явным, не забывай об этом. Спешу развеять твои страхи, леди Диспенсер жива и здорова, с ней все в порядке, более того, сейчас она на пути к замку Арундел. В моем поместье

жили ее дети, и, забрав их, женщина поехала к мужу, чтобы получить развод и навсегда покинуть Англию вместе с бастардами. Ты хотела ее спасти, но напрасно. Я не убиваю невинных, и все это было лишь игрой, сыгранной для того, дабы заманить тебя в это место и просто поговорить. Джоанна, жизнь, вернее люди, наполнявшие ее, кардинально изменили твои взгляды. Ты не веришь мне, но доверяешь тем, кто тебе лжет. Ах, спроси у своей любимой мамочки, какой роковой секрет она от тебя скрывает. Да, мало того, что она участница измены королевы, но еще и мать одного, никому не известного ребенка,... прекрасной малышки,... твоей сестры. Юная девушка сейчас страдает в каком-то замерзшем монастыре, и все потому, что родная мать сразу после рождения разорвала ее жизнь, оторвала от себя, выбросила. Потерявшая всех, бедная, одинокая, несчастная... Свою сестру можешь спасти лишь ты, защитить ее под силу лишь тебе, но подумай от кого: от меня, человека, который рассказал тебе всю правду, или от матери, почти убившей ее четырнадцать лет назад?

Еще несколько минут Джоанна простоя стояла, вслушиваясь в бешеное биение своего сердца, погружалась в трясину лихорадочных мыслей, хватала сухими, бледными губами воздух, резавший все внутри. Девушка хотела не верить этому старику, но откуда она могла знать всю

правду, ибо то, что происходило в темнице Солсбери, оберегалось в строжайшем секрете. После ареста малышка уже не видела Маргарет и встретила с ней только спустя пять лет. Возможно, в ту холодную ночь женщина родила не только Джона...

— Где моя сестра? Что с ней? — глухо отозвалась леди Плантагенет, вонзив ногти в свою холодную ладонь.

— Она одна из послушниц монастыря Святой Пеги. Сейчас девочке около пятнадцати. Бедняжка даже не знает, что принадлежит к правящей династии Плантагенетов. Хм, я представляю, каково жить в обедневшей, ледяной обители, потерявшей даже свою настоятельницу. Только святая матушка знала о происхождении твоей сестры, но сейчас ее душа уже далеко, и лишь перстень с небольшим аметистом — единственная нить, благодаря которой ты отыщешь родного человека. Я сказал тебе, все что хотел, теперь можешь идти и делать то, что заблагорассудится. Хочешь, спаси бедную девочку, не хочешь, оставь ее на произвол судьбы, как когда-то поступила твоя мать, — едва передвигая ватными ногами, молодая женщина поплелась к двери, и с трудом преодолев высокую лестницу, пошла по тропинке, ведущей в сад.

Убедившись, что «гостья» уже далеко,

Фарфоровый Епископ, выйдя из своего убежища, подозвал мадам Гертрудис Осорио, рабыню, преподнесенную, как подарок, испанским инквизитором Ксименом Аргуэльо. Темноволосая женщина, одним грациозным, кошачьим движением откинув головное покрывало, опустилась на колени перед своим хозяином, припав горячими губами к подолу черного кафтана:

— Повелитель, ради одного вашего слова я готова пойти в сам ад, раствориться в огне, стать искрой, что зажжет ваше великое сердце. Приказывайте, хозяин, ваша невольница Гертрудис все сделает, — преданная, словно собака, своему господину, мадам Осорио никогда не задумывалась о правильности приказов, что слетали с бескровных губ старика, и, в отличие от бунтующего Конрада, клялась в верности и выполняла все прихоти Фарфорового Епископа.

Коснувшись морщинистой, огрубевшей рукой нежной, будто лепесток розы, щеки испанки, Эркюль де Монье слащаво прошептал: — Твоя тело — услада моих ночей, а разум и покорность — украшение дня, — давняя любовница англичанина, Гертрудис даже не задумывалась, что ее красота и молодость вянет рядом с этим противным, немощным стариком. Молодая женщина уже похоронила свое будущее и жила лишь сомнительным, кровавым настоящим.